

Нравственные императивы в праве

2010
№ 3

Научный юридический журнал (г. Москва)

Учредитель

РОО «Институт государственно-
конфессиональных отношений и права»

Ответственный за выпуск редактор

Понкин И.В., доктор юридических наук

Технический редактор выпуска

Епанчина М.П.

Редакционный совет:

Кузнецов М.Н., доктор юридических наук, профессор;

Богатырев А.Г., доктор юридических наук, профессор;

Понкин И.В., доктор юридических наук, директор Института государственно-конфессиональных отношений и права;

Емелина Л.А., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета им. М.М. Сперанского Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, доцент;

Коровина Ю.В., кандидат юридических наук.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Нравственные императивы в праве» обязательна.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

Редакция присланные рукописи не рецензирует и не возвращает, в переписку не вступает.

Контактный адрес электронной почты технической службы:

f5s1@yandex.ru

Контактный почтовый адрес технической службы:

строго в следующем написании: «117525, Москва, а/я 49, Понкину И.В.»

Содержание номера

Актуальные проблемы

Ткачук В.Ф. Земельный участок как объект наследственных правоотношений 4

Догадайло Е.Ю. Датирование как самостоятельный юридический метод 9

Ситников А.В. Право, нравственность и религия в современном обществе 17

Мельков А.С. О мерах по совершенствованию российского законодательства в области защиты русского языка 27

Емелина Л.А. Правовое регулирование условий и порядка расторжения брака в зарубежных странах 31

Обсуждение идей

Сидорова Л.А. Наиболее актуальные проблемы, возникающие при обеспечении прав и законных интересов ребенка 38

Хахинова А.Н. Формирование правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации 43

Наринян Л.М. Актуальные вопросы налоговой дееспособности физических лиц 48

Хашем Т.А. Защита человеческого достоинства в Российской Федерации: конституционно-правовой анализ 56

Васильченко О.О. Омбудсман как институт парламентского контроля соблюдения прав и свобод человека и гражданина в сфере исполнительной власти в государствах Центральной и Восточной Европы 65

Сванидзе Р.К. Конституционное судопроизводство как форма правозащитной деятельности конституционных судов государств Центральной и Восточной Европы 70

Чалых И.С. Нормотворческая функция Президента Российской Федерации как элемент гарантирования субъективных экологических прав 76

Тысячная С.В. Прокуратура в системе институциональных гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина 81

Дулуев З.А. Принцип равенства перед законом и судом в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации.....85

Беспалова М.А. Президент России в публичной институциональной системе реализации правозащитной функции государства 89

Рецензии

Корченев В.В. «Если уж придется пить – пейте доброе вино» (рецензия на монографию В.А. Берзина «Государственная политика в области винодельческого виноградарства, производства, оборота и потребления винодельческой продукции») 93

Ткачук В.Ф. Земельный участок как объект наследственных правоотношений¹

С целью практической реализации закрепленных Концепцией развития действующего гражданского законодательства, утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.07.2008, некоторых тенденций развития гражданского законодательства в контексте наследования земельных участков, следует обратить внимание на то, что ныне действующие нормы права не содержат определения понятия земельного участка, которое отграничивало бы его место среди остальных объектов недвижимости, и одновременно устанавливало бы присущие только ему свойства. Соответственно сложно определить земельный участок в качестве объекта наследственных правоотношений. При раскрытии понятия земельного участка следует согласиться с А.Л. Корнеевым² и обратить внимание на то, что земля и земельный участок, при безусловной органичной связи, представляют собой различные явления. В статье 1 Земельного кодекса Российской Федерации земля определяется как основа жизнедеятельности народов, как важнейший компонент окружающей среды, как средство производства

---

¹ **Ткачук Виорика Филипповна** – аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета им. М.М. Сперанского Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации.

Статья посвящена раскрытию понятия земельного участка как особого объекта наследственных правоотношений. Проанализированы позиции некоторых ученых по данному вопросу. В статье исследованы проблемы правовой регламентации перехода земельного участка в порядке наследования, возникающие в связи с отсутствием определения земельного участка, которое отражало бы и место земельного участка среди остальных объектов недвижимости, и одновременно устанавливало бы присущие только ему исключительные свойства. В заключение формулируются основные выводы.

Ключевые слова: земля, земельный участок, водные объекты, растения, государственный кадастр недвижимости.

Tkachuk V.F. Land as an object of hereditary relations.

The present article deals with the disclosure of the concept of land as a special object of hereditary relationships, given the position of some scholars in the study of this issue, as well as problems of legal regulation of the transfer of land by inheritance, arising in connection with an incorrect definition of the land, which would reflect and location of the land site among other properties, and at the same time would set a characteristic exceptional properties. In the end main conclusions regarding the raised problem are stated.

Keywords: land, water bodies, plants, state real estate cadastre.

² См.: Корнеев А.Л. Сделки с земельными участками: Уч. пособие. – М.: Городец, 2006. – С. 39.

в сельском и лесном хозяйстве, как объект недвижимости совершенно справедливо следует различать землю как объект природы и природный ресурс, как основу существования индивида, групп людей, этноса в целом³. Таким образом, объектом земельных отношений всегда будет выступать конкретный земельный участок, поскольку понятие земли является весьма абстрактным, характеризующим ее связь с природой.

Гражданский кодекс Российской Федерации (статья 130) относит земельный участок к объектам недвижимого имущества, но не содержит определения земельного участка, которое отражало бы и место земельного участка среди остальных объектов недвижимости, и одновременно устанавливало бы присущие только ему исключительные свойства.

По нашему мнению, определение земельного участка как объекта гражданского правоотношения должно содержаться в статье 261 Гражданского кодекса Российской Федерации, исходя из ее названия. До внесения изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 04.12.2006 № 201-ФЗ⁴ данная статья для выяснения определения земельного участка как объекта права собственности отсылала нас к земельному законодательству⁵. Тем не менее, пункт 2 вышеуказанной статьи закрепляет распространение прав собственника земельного участка на находящиеся в его границах поверхностный (почвенный) слой, водные объекты, растения, а пункт 3 этой же статьи – использование всего того, что находится над и под поверхностью этого участка, если иное не предусмотрено профильными специальными законами и не нарушает прав других лиц.

Понятие земельного участка закреплено в статье 11.1 Земельного кодекса Российской Федерации – это часть земной поверхности, границы которой определены в соответствии с федеральными законами.

Ранее понятие земельного участка, совмещающее в себе часть определения из Гражданского кодекса Российской Федерации, содержалось в пункте 2 статьи 6 Земельного кодекса Российской Федерации. Указывалось, что земельный участок – «часть поверхности земли (в том числе почвенный слой), границы которой описаны и удостоверены в установленном порядке». Также

³ См., например: *Новикова Н.И.* «Родовые угодья»: перспективы правового плюрализма (представления представителей коренных народов и законодателей) // Государство и право. – 2000. – № 6. – С. 102–107.

⁴ Федеральный закон «О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации» от 04.12.2006 № 201-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 11.12.2006. – № 50. – Ст. 5279. (Посл. изм. от 08.05.2009).

⁵ См., например: *Боголюбов С.А.* Земельное право: Учебник. – М.: Высшее образование, 2006. – С.134.

подчеркивается, что земельный участок может быть делимым и неделимым. Делимый участок может быть разделен на части, каждая из которых после раздела образует самостоятельный земельный участок, разрешенное использование которого возможно и без перевода его в состав иной категории. В Федеральном законе «О государственном земельном кадастре»⁶ под земельным участком понималась часть поверхности земли (в том числе поверхностный почвенный слой), границы которой описаны и удостоверены в установленном порядке уполномоченным государственным органом, а также все, что находится над и под поверхностью земельного участка, если иное не предусмотрено федеральными законами о недрах, об использовании воздушного пространства и иными федеральными законами. Такое представление о земельном участке позволило С.А. Степанову сделать вывод о том, что законодатель предпринял «несколько несвоевременную попытку ввести в законодательную практику распространенное в европейском правотворчестве определение, включающее и недра, под ним расположенные, и воздушный, атмосферный «столб», поскольку законодательство о недрах и воздушном пространстве и другие законы исключают возможность рассматривать земельный участок в анализируемом законе контексте»⁷.

В настоящее время данный Федеральный закон признан утратившим силу в связи с принятием Федерального закона от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости», где понятие земельного участка так же не раскрывается.

Федеральный закон от 15.04.1998 «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан»⁸ в статье 1 приводит определения видов земельных участков, которые различаются в зависимости от тех целей, для которых они используются⁹.

Определения понятия земельного участка, содержащиеся в нормативно-правовых актах земельного права, стали предметом рассмотрения во многих научных работах.

---

⁶ Федеральный закон от 02.01.2000 № 28-ФЗ «О государственном земельном кадастре» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 10.01.2000. – № 2. – Ст. 149.

⁷ Степанов С.А. Недвижимое имущество в гражданском праве. – М.: Статут, 2004. – С. 62.

⁸ Федеральный закон «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» от 15.04.1998 № 66-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 16. – Ст. 1801. (Посл. изм. 30.12.2008).

⁹ Крассов О.И. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации. – 2-е изд., перераб. – М.: Норма, 2009. – С. 83.

По мнению С.А. Бабкина, сторонника швейцарского и германского подхода в законодательстве, «земельный участок – это пространство, заполненное определенной материей, представляет собой часть пространства, имеющую коническую форму, сужающуюся до точки к центру земли и расширяющуюся в противоположном направлении; границы этой фигуры располагаются в плотных слоях атмосферы»¹⁰.

Описанное им понятие земельного участка не подходит для российской действительности¹¹, поскольку земельный участок и объекты, связанные с ним, должны рассматриваться как самостоятельные элементы гражданского оборота. В этой связи абсолютно оправданно замечает Н.Н. Мисник, что «невероятна ситуация, когда право собственности на один объект распространяется и на другие объекты»¹².

При описании земельного участка как юридической категории возможно использование в определении конструкции «земная поверхность» без уточнения понятия «поверхностный почвенный слой» по той причине, что поверхность земли не перестанет быть земельным участком, если на ней будет отсутствовать почва. Наличие или отсутствие почвы влияет на содержание таких правовых характеристик земельного участка, как целевое назначение, разрешенное использование, характеризующих земельный участок с точки зрения извлечения из него соответствующих благ.

Из содержания приведенных норм следует, что земельный участок индивидуализируется на местности при его отводе, представляя собой определенную вещь, и характеризуется такими признаками, как общий размер, границы и местонахождение.

В связи с этим земельный участок является сложной вещью¹³, так как состоит из разнородных вещей, а именно, в пределах земельного участка – почвенного слоя, замкнутых водоемов, растений и всего того, что над и под ним, образуя тем самым единое целое, предполагающее их использование по общему назначению, если законом не установлено иное. Однако формулировка «над» и «под» поверхностью земельного участка не совсем корректна, поскольку под данное понятие в таком случае должны подпадать и

---

¹⁰ Бабкин С.А. Основные начала организации оборота недвижимости. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2001. – С. 53–54.

¹¹ См., например: Ельникова Е.В. Понятие «земельный участок» в современном российском законодательстве // Нотариус. – 2007. – № 1. – С. 40.

¹² Мисник Н.Н. К понятию земельного участка // Государство и право. – 2005. – № 10. – С. 61.

¹³ См. статью 134 Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301. (Посл. изм. и доп. от 17.07.2009).

находящиеся на земельном участке люди, и пролетающие самолеты и магма в толще земной коры.

С учетом вышеизложенного для формулирования понятия земельного участка следует руководствоваться основными признаками, которые определяют земельный участок как самостоятельный объект недвижимого имущества. В частности, земельный участок как объект недвижимого имущества должен существовать только на территории государства, поскольку именно юрисдикция государства обеспечивает наличие прав и обязанностей и их защиту. К тому же границы земельного участка должны быть не только установлены или обозначены любым доступным способом, но и зарегистрированы в порядке, установленном Федеральным законом «О государственном кадастре недвижимости» и Федеральным законом «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». Основными характеристиками земельного участка как объекта права следует назвать его местоположение (то есть в какой именно местности находится тот или иной участок, так как, к примеру, правовое регулирование земельного участка в сельской местности и в приграничной территории отличается); категорию земель и разрешенное использование соответствующих земельных участков (для разных категорий земель устанавливается и различный порядок оборота земельных участков); правовой статус земельного участка.

С учетом основных характеристик, которым должен отвечать земельный участок как объект наследственных правоотношений, земельный участок представляет собой часть земной поверхности на территории государства, границы которого описаны и удостоверены уполномоченным органом с указанием местоположения, категории земель, разрешенного использования, площади, правового статуса, гражданско-правовых и других характеристик, вносимых в государственный кадастр недвижимости.

* * *

Догадайло Е.Ю. Датирование как самостоятельный юридический метод¹⁴

В правовой системе РФ находят проявления различные формы времени, поскольку право взаимодействует с различными формами времени: социальным, календарным, историческим, индивидуальным, что находит выражение на различных уровнях правовой системы – в нормативном массиве, правосознании, правотворчестве, правореализации.

Когда в норме права, устанавливая правило поведения, исходили из физического (кинетического) понимания времени и его метрических свойств (час, сутки, год), когда при реализации такой нормы темпоральные параметры поведения субъектов права задаются формально определенными (прежде всего календарными) показателями, то в правовой системе проявляется такая форма времени, как календарная. Необходимо рассматривать формы проявления календарного времени и учитывать, что метрико-топологическая структура календарного времени определяется действием природных закономерностей, но как расчлененное целое, как структурное образование, календарное время всегда несет на себе печать закономерностей того общества, в котором оно имеет место.

Одной из форм проявления календарного времени в правовой системе является датирование. Датирование (обозначение события в календарной временной шкале), безусловно, важно на различных стадиях правоотношения, реализующего юридическую ответственность. Датирование широко используется в целях обозначения времени разработки, принятия, опубликования и вступления в силу правовых нормативных актов, а также актов, вносящих в них изменения, дополнения или отменяющих их действие. Календарные даты становятся вехами, фиксирующими юридически

¹⁴ **Догадайло Екатерина Юрьевна** – кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой государственного строительства и права Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент.

В статье рассматриваются основные формы использования в правовой системе при правотворчестве и реализации права календарного времени путем использования датирования как самостоятельного юридического метода правового регулирования.

Ключевые слова: право и время, календарное время, датирование, фиксация временного момента.

Dogadaylo E. Y. Dating as a separate legal method.

This article discusses the basic forms used in the legal system in the law-making and implementation of the right of the calendar time using dating as a separate legal method of legal regulation.

Keywords: law regulation and time, calendar time, dating, moment time fixation.

значимые последствия, становясь частью юридического факта. Датирование отражает временную связь явлений, событий, фактов, длительность и последовательность в их развитии. Датирование временного момента как проявление календарного времени может воплощать точку отсчета некоего срока и, таким образом, определять фазу его истечения, позволяет в этих рамках провести социально-нормативное регулирование. Почти в каждой отрасли права существуют и специальные темпоральные нормы, направленные на датирование, то есть нормы, предписывающие зафиксировать то или иное юридически значимое событие, календарно исчислив время, – фиксация даты рождения и смерти человека, момента возникновения юридического лица или его ликвидации, даты заключения брака, момент наступления юридической ответственности, дата заключения соглашения.

Несмотря на кажущуюся простоту датирования, чем более развернутым становится правовая система, чем более законодатель вдумывается в необходимость зафиксировать точку отсчета, тем больше трудностей встает на его пути. К датированию применяются специфические требования юридической техники, поскольку ошибка при датировании может иметь большие социальные и политические последствия.

Исходя из методов хронометрии, время в правовых нормах фиксируется как «длительность» или «срок». Тогда же, когда в норме права необходимо установить положение субъекта при определении динамики его социальных действий, когда важно дать характеристику предшествующего или последующего моментов, право использует методы хронологии, чтобы зафиксировать определенный момент времени. Например, для конституционного права государства, для института, регулирующего деятельность законодательного (представительного) органа власти, таким вопросом является, например, фиксация срока действия депутатского мандата. Конечно, этот срок связан со сроком полномочий законодательного органа, членом которого является депутат. Вопрос же о сроках полномочий законодательных органов решается различно не только в разных странах, но и регулируется зачастую по-разному даже в субъектах Федерации. Возникновение депутатского мандата связано с моментом возникновения полномочий представительных органов, членами которых избирались депутаты. Однако сам момент возникновения полномочий представительного органа трактуется по-разному. Одни авторы полагают, что срок полномочий представительного органа исчисляется со дня выборов. Другие началом существования представительных органов считают первое организационное заседание после выборов, когда эти органы

«конституируют себя». Аналогично рассматривается и вопрос о возникновении депутатского мандата¹⁵.

В отношении начала срока полномочий законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации Федеральным законом от 6 октября 1999 г. (в ред. 05.04.2010) № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹⁶ (пункт 10 статьи 4) предусмотрено лишь то, что он является правомочным, если в его состав избрано не менее двух третей от установленного числа депутатов. В субъектах Российской Федерации сегодня предусмотрены самые разнообразные варианты регулирования начала срока полномочий депутатов. Так, законы, регулирующие статус депутата Белгородской, Брянской, Владимирской, Воронежской, Ивановской, Калужской, Липецкой, Орловской, Рязанской, Ярославской областей, устанавливают, что полномочия депутата начинаются со дня его избрания¹⁷. Закон Тамбовской области определяет начало срока полномочий депутата со дня его избрания, «а для депутата, занимающего должность, несовместимую со статусом депутата областной Думы, – со дня освобождения его от этой должности»¹⁸. Законом Курской области предусмотрено, что полномочия депутата начинаются со дня официального опубликования избирательной комиссией сообщения об итогах состоявшихся выборов,¹⁹ а Законом Тверской области – со дня вручения ему удостоверения об избрании депутатом при условии сложения с себя обязанностей, несовместимых со статусом депутата.²⁰ Законом Костромской области «О статусе депутата

¹⁵ См. *Безуглов А.А.* Советский депутат (государственно-правовой статус). – М., 1971. – С. 23–25.

¹⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42. – Ст. 5005; 2010. – № 15. – Ст. 173.

¹⁷ См., например: Закон Белгородской области от 19.12.2005 № 11 «О статусе депутата Белгородской областной Думы», статья 3 (Белгородские известия. 21.12.2005. – № 228–229); Закон Калужской области № 2 от 29.07.1994 «О статусе депутата Законодательного Собрания Калужской области», статья 3 (Весть. – 03.08.1994. – № 159); Закон Ярославской области от 14.02.2001 № 6-з «О статусе депутата Государственной Думы Ярославской области», статья 2 (Губернские вести. – 17.02.2001. – № 11).

¹⁸ Закон Тамбовской области от 21.01.1995 № 13-3 «О статусе депутата Тамбовской областной Думы», статья 4 (Тамбовская жизнь. – 27.01.1995. – № 17-18).

¹⁹ Закон Курской области от 05.07.1997 № 17-ЗКО «О статусе депутата Курской областной Думы», статья 3 (Курская правда. – 17.07.1997. – № 118).

²⁰ Закон Тверской области от 20.10.1994 № 4 «О статусе депутата Законодательного Собрания Тверской области», статья 3 (Тверские ведомости. – 1994, 18–24 ноября. – № 87).

Костромской областной Думы» (часть 3 статьи 3) определено, что «полномочия депутата областной Думы начинаются с момента признания их областной Думой...». А в Законе Смоленской области «О статусе депутата Смоленской областной Думы» (часть 1 статьи 3) указывается: «Полномочия депутата Думы начинаются соответственно:

- со дня первого заседания Думы (в которую избран правомочный состав депутатов) созыва, в котором депутат участвовал в распределении мандатов;

- со дня, следующего за днем его избрания депутатом Думы, если депутат избран после первого заседания Думы созыва, в котором депутат участвовал в распределении мандатов».

Со дня первого заседания областной Думы устанавливается начало срока полномочий депутата и в Тульской области (Закон Тульской области «О статусе депутата Тульской областной Думы», часть 2 статьи 3).

Срок действия депутатского мандата самым тесным образом связан с легислатурой представительных органов власти, которые избираются на определенный срок. Такой тесной связи нет лишь в тех случаях, когда действует принцип ротации. У депутатов не может быть срока полномочий, отдельного от срока полномочий законодательного органа, они не могут избираться на срок, не совпадающий со сроком полномочий органа, в который избираются, за исключением случаев обновления органа по частям (на принципах ротации) или когда отдельные депутаты избираются не на полный срок полномочий, например, доизбираются вместо выбывших депутатов. В случае же, когда устанавливается конкретный срок полномочий депутатов, представляется целесообразным предусматривать норму, аналогичную, к примеру, той, которая установлена в Уставе Московской области (пункт 2 статьи 46): «Депутат Московской областной Думы избирается на пять лет (кроме случаев выборов на вакантное место в связи с прекращением полномочий депутата по соответствующему избирательному округу)»²¹.

Традиционными для права являются попытки зафиксировать дату рождения человека. Момент рождения человека, во-первых, интересует гражданское право для установления его родственных и имущественных связей (чаще всего – для фиксации его наследственных прав или круга его возможных наследников). Фиксация этого же момента становится необходимой и для определения даты начала его полной дееспособности, что так же важно и для других отраслей, например, для конституционного права

²¹ Устав Московской области (Вестник Московской областной Думы. – 1997, январь. – № 1).

– при реализации права участвовать в выборах и референдуме. Для уголовного права момент совершения преступления так же требует фиксации возраста виновного для определения возможности применения мер юридической ответственности.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в определениях от 1965 и 1974 гг. на основании статьи 103 УПК сделала выводы: «Лицу, совершившему преступление в день, когда ему исполнилось 18 лет, не может быть назначено лишение свободы свыше десяти лет, так как совершеннолетие наступает не в день рождения, а со следующих суток. Гражданин, совершивший уголовно наказуемое деяние в день своего рождения, достиг шестнадцати лет в ноль часов последующих суток и не подлежал привлечению к уголовной ответственности». Эти положения нашли свое закрепление в пункте 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних». Однако выработанные Верховным Судом правила определения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не ограничиваются только сферой действия уголовного права. Точное определение возраста во многих случаях имеет принципиальное значение. Могут ли граждане, 19-й день рождения которых совпал с днем выборов или референдума, участвовать в них? Законодательно закреплено, что гражданин Российской Федерации, достигший на день голосования 18 лет, имеет право избирать депутатов Государственной Думы, участвовать в выдвижении федеральных списков кандидатов, предвыборной агитации, наблюдении за проведением выборов и работой избирательных комиссий, включая установление итогов голосования и определение результатов выборов, а также в осуществлении других избирательных действий, в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом, иными федеральными законами, а гражданин Российской Федерации, достигший на день голосования 21 года, может быть избран депутатом Государственной Думы. По общему правилу, гражданин приобретает активное избирательное право в случае достижения возраста 18 лет на день голосования. Однако в части 2 статьи 41 предусмотрено небольшое изъятие: право сбора подписей избирателей в поддержку выдвинутого политической партией федерального списка кандидатов принадлежит гражданину, достигшему возраста 18 лет на момент сбора подписей, а не на день голосования²².

---

²² Статья 5 Федерального закона от 18.05.2005 № 51-ФЗ (ред. от 09.02.2009) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 23.05.2005. – № 21. – Ст. 1919.

Вышеуказанные решения Верховного Суда возникли не на пустом месте и имеют давние, дореволюционные корни. Еще профессор Н. Таганцев в учебнике «Русское уголовное право» утверждал, что возраст определяется не от начала дня рождения, а от его окончания, то есть от следующей за днем рождения полуночи, а тринадцать лет заканчиваются с истечением 13-й годовщины дня рождения или, по обыкновенному счету, 14-го дня рождения. Над ним, как и над современными его последователями, вероятно, довлело и довлеет требование уголовно-процессуального закона об исключении из расчета дня, которым определяется начало течения срока.

Датами могут быть не только дни, месяцы и годы, но и производные от них временные параметры: недели, часы, минуты, секунды, доли секунд, а также пятилетия, десятилетия, столетия и т.д. Датирование отражает временную связь явлений, событий, фактов, длительность и последовательность в их развитии. Датированием достигается временная связь настоящего с прошлым и будущим.

К датированию применяются специфические требования юридической техники, поскольку ошибка при датировании может иметь большие социальные и политические последствия. Так, в Российской Федерации был концептуально неудачно определен день выборов в Государственную Думу (возможно, из-за неумелого копирования зарубежного опыта – в Конституции США неизменно с 1787 года записано, что сессии Конгресса «начинаются в первый понедельник декабря», если законом не будет установлен другой день). В статье 4 Федерального закона от 21.06.1995 было установлено: «Днем выборов является первое воскресенье после истечения конституционного срока, на который была избрана Государственная Дума прежнего созыва»²³. Поскольку предыдущие выборы, в 1993 году, проводились 12 декабря, то в 1995 году они состоялись 17 декабря, а в 1999 году – 19 декабря. Уже в статье 5 Федерального закона от 24.06.1999 законодатель изменил лишь конструкцию названной нормы, но не ее концепцию: «Днем голосования на выборах депутатов Государственной Думы является первое воскресенье после дня, когда истекает конституционный срок, на который была избрана Государственная Дума прежнего созыва»²⁴. Однако, анализируя данную норму закона, можно было предвидеть, что через какое-то время день выборов выпадет на новогодние

---

²³ Федеральный закон от 21.06.1995 № 90-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 26. – Ст. 2398.

²⁴ Федеральный закон от 24.06.1999 № 121-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 26. – Ст. 3178.

праздники, поскольку календарная дата каждые четыре года (срок полномочий Государственной Думы) перемещается на пять дней недели вперед. Возможно, по этой причине в статье 5 Федерального закона от 20.12.2002 законодатель установил: «Днем голосования на выборах депутатов Государственной Думы является второе воскресенье месяца, в котором истекает конституционный срок, на который была избрана Государственная Дума предыдущего созыва»²⁵. Позднее обнаружилось, что очередной день выборов приходится на 14 декабря 2003 года, которому предшествовали два нерабочих дня: праздничный (День Конституции) и выходной (суббота). Законодатель посчитал это неудобным и, чтобы перенести день выборов на неделю раньше, внес в статью 5 названного закона изменение (слово «второе» заменить словом «первое») и установил: «Днем голосования на выборах депутатов Государственной Думы является первое воскресенье месяца, в котором истекает конституционный срок, на который была избрана Государственная Дума предыдущего созыва»²⁶. Но после выборов 7 декабря 2003 года вновь избранная Государственная Дума, в соответствии с частью 2 статьи 99 Конституции Российской Федерации от 1993 г., должна была собраться на первое свое заседание на тридцатый день после избрания (при наличии у Президента Российской Федерации права созвать заседание Государственной Думы ранее этого срока)²⁷, то есть 6 января 2004 года, накануне Рождества. Как и следовало ожидать, Президент Российской Федерации использовал свое конституционное право и созвал заседание Думы ранее этого срока. Но для подготовки первого заседания необходимо время, поэтому его нельзя созвать сразу же после выборов. В итоге первое заседание Государственной Думы прошло 29 декабря 2003 года, после которого депутаты все равно разъехались на новогодние праздники. Такие непредвиденные переезды вызывают неоправданные расходы федерального бюджета.

Однако ближайший прогноз позволял увидеть, что выборы Государственной Думы пятого созыва должны будут состояться 2 декабря 2007 года, а первое ее заседание – 1 января 2008 года. И так

---

²⁵ Федеральный закон от 20.12.2002 № 175-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 51. – Ст. 4982.

²⁶ Федеральный закон от 23.06.2003 № 82-ФЗ «О внесении изменений в пункт 2 статьи 5 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 26. – Ст. 2571.

²⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 21.01.2009. – № 7.

далее. Таким образом, общая конституционная норма о первом заседании Государственной Думы «на тридцатый день» уступит место исключению «по указу Президента». Если бы порядок определения дня выборов не был изменен впоследствии, то выборы Государственной Думы восьмого созыва состоялись бы 1 декабря 2019 года и, следовательно, конституционный срок, на который она будет избрана, истек бы 30 ноября 2023 года, и новые выборы предстояло бы назначить на 3 ноября того же года, а в дальнейшем – на известные ноябрьские праздники. Несмотря на это, через два года Государственная Дума, принимая новый закон о выборах депутатов, установила несколько иную по форме, но такую же, по сути, норму: «Днем голосования является первое воскресенье месяца, в котором истекает конституционный срок, на который была избрана Государственная Дума предыдущего созыва»²⁸. Однако, указав, что проведение выборов депутатов Государственной Думы в сроки, установленные Конституцией Российской Федерации, является обязательным, Федеральный закон от 18.05.2005 № 51-ФЗ установил принципиально иной способ датирования – «Решение о назначении выборов должно быть принято не ранее чем за 110 дней и не позднее чем за 90 дней до дня голосования. Днем голосования является первое воскресенье месяца, в котором истекает конституционный срок, на который была избрана Государственная Дума предыдущего созыва. Конституционный срок, на который избирается Государственная Дума, исчисляется со дня ее избрания.»²⁹

Можно сделать вывод о том, что момент времени, когда происходит вмешательство календарных референтов в юридическую жизнь, начинает играть первостепенную роль только тогда, когда факт взаиморасположения событий во времени – следования их друг за другом или одновременного протекания – оказывается решающим для правовых следствий и их необходимо зафиксировать однозначно для всех участников правоотношения, для чего прибегнуть к использованию свойств календарного времени.

* * *

²⁸ Федеральный закон от 18.05.2005 № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 21. – Ст. 1919.

²⁹ Федеральный закон от 18.05.2005 № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 23.05.2005. – № 21. – Ст. 1919.

Ситников А.В. Право, нравственность и религия в современном обществе³⁰

Для традиционных обществ проблемы истины, общественной морали и права были составной частью единой религиозной картины мира. Консенсус по вопросам истины, политической справедливости и права опирался на религиозное мировоззрение большинства населения страны. В процессе модернизации обществ происходила дифференциация религии, политики, морали и права. Независимость данных сфер – характерная черта современности. Для общества современного типа характерна большая степень рационализации и дифференциации ценностных сфер, их разделение, в результате которого каждая из них начинает существовать в соответствии со своей логикой, критериями, оценками.

По мнению М. Вебера, решающее влияние на формирование западного рационализма оказали присущие протестантизму нравственные нормы и трудовая этика, которые обусловили появление «духа капитализма». Для традиционных, докапиталистических представлений о труде и предпринимательстве нехарактерно стремление к достижению максимальной прибыли. В традиционном отношении к труду его главной целью является выполнение определенной обязанности, долга, стремление заработать необходимое для жизни. «Традиционный» человек не склонен зарабатывать денег больше, чем это необходимо для того, чтобы прожить. Протестантизм породил, по убеждению М. Вебера, этику капиталистического предпринимательства. Его представления о спасении настраивали индивида честно и добросовестно трудиться, добиваться успехов, свидетельствующих о его богоизбранности.

³⁰ **Ситников Алексей Владимирович** – кандидат философских наук, член экспертного совета при Комитете по делам общественных организаций и религиозных объединений Государственной Думы.

Автор рассматривает историю соотношения сфер морали, права и религии. В традиционном обществе они были составной частью единой религиозной картины мира. С развитием европейской рациональности появляются самостоятельные правовые системы, происходит отделение правовых и этических доктрин от религиозного мировоззрения. Показано, что особенностью российской культуры на протяжении веков являлось стремление к целостности, единству этих сфер.

Ключевые слова: право, нравственность, религия, современное общество, либеральная демократия, христианство.

Sitnikov A. V. Law, Ethical and Religious in modern society.

The author considers the following question: What is the relationship between religious, law and ethical? The article investigates the influence of Christian values on the origin and development of the law basis of liberal democracy. The author gives an analysis of social and cultural origins of modern society.

Keywords: Law, ethical, religious, modern society, liberal democracy, Christianity.

Методикой спасения стала повседневная профессиональная деятельность. Профессия для протестанта отождествилась с божественным призванием (нем. – Beruf) и тем самым обрела особый духовный смысл. Мир стал объектом исполнения долга путем рациональной деятельности в соответствии с религиозной этикой. «Рациональная, трезвая, не связанная с мирскими интересами деятельность и ее успех служат признаком благословения Божьего. Отказ от всех отвлекающих удовольствий и жизненного демонстративного пользования богатством, свойственного феодалам, трезвый, рациональный образ жизни, свободный от увлечений красотой мира и искусством или погружения в свои настроения и чувства, – таковы требования и методики в организации жизни, выработанные мирской аскезой Запада, такова ее однозначная цель; типичный ее представитель – «профессионал»; специфическое следствие, отличающее ее от всех остальных религий мира, – рационализация и институционализация социальных отношений»³¹.

В период раннего капитализма большинство представителей деловых и коммерческих кругов, квалифицированные рабочие, то есть все те, чья роль на данном этапе развития общества была очень велика, исповедовали протестантизм. В Англии, Голландии, Германии, а позже в США и некоторых других странах такие аскетические ветви протестантизма, как кальвинизм, методизм, баптизм, ориентированные на посюсторонний мир, обеспечивали сочетание деловой активности с религиозной набожностью. Протестантизм давал особую мотивацию: индивид узнавал, что он принадлежит к числу избранных, если он преуспевает в интенсивной, постоянной мирской деятельности, которой он себя посвящает.

Изменения в сознании людей привели к изменению структуры социальных отношений. Оказываются уничтоженными старые структуры, создаются новые. Деятельность и успех призваны служить знаками спасения, поэтому люди начинают сравнивать свои достижения. Конкуренция становится образом жизни. Не потребление, а накопление капитала, не использование прибыли, а ее вложение в развитие – такова рациональная стратегия для того, чтобы гарантировать успех в конкуренции на рынке предпринимательства. Тенденцией системы становится максимизация эффективности, что придает ей динамизм и силу для дальнейшего распространения вширь. В какой-то момент система начинает действовать сама по себе, воспроизводиться уже без религиозной мотивации. Религиозная мотивация со временем

---

³¹ Вебер М. Социология религии (типы религиозных сообществ) // Вебер М. Избранное. Образ общества. – М., 1994. – С. 214.

отмерла, но созданный ею стиль жизни сохранился³². Напротив, в обществе распространяются секуляризующие тенденции. Система, которая появилась как историческая случайность на северо-западе Европы, набирает силу и охватывает большую часть земного шара.

В последующих работах М. Вебер расширил предложенную им объяснительную схему за пределы религии, включив в число независимых переменных другие институциональные и политические факторы: развитие централизованных, бюрократизированных государств, появление современных законов, идеи гражданства и прав человека и т.д.³³

Развитие европейской рациональности прослеживается не только в капиталистической экономической деятельности и бюрократической власти, но и в западном праве. Развитие рационального права было во многом обусловлено христианством, которое способствовало возникновению правового государства и современного правосознания. Формальное рациональное право сложилось в Европе к концу XIX века. Но его основы были заложены еще в средневековый период.

В исследовании Г. Бермана подробно рассматривается история создания первых светских правовых систем. Система права возникла в западной церкви для поддержания ее зримого, корпоративного единства под управлением папы. Вычленение канонического права из теологии и его систематизация и рационализация послужили образцом для светского права, которое строилось по аналогии с церковным. «Папство создало управленческие институты и бюрократический аппарат, необходимые для функционирования правовой системы: профессиональное судебское сословие, казначейство, канцелярию. Это была первая новая западная система

---

³² Благодаря трудам Макса Вебера было проведено тщательное изучение влияния различных аспектов религии на социальную, экономическую и политическую жизнь общества. В частности, Т. Парсонс в дальнейшем убедительно показал, что мотивация предпринимательской деятельности рациональным стремлением к наибольшей выгоде отчасти неверна, а отчасти скрывает сложный комплекс нравственных, социальных, культурных и иных факторов, часто неосознаваемых. Рыночная экономика может возникнуть лишь при наличии определенной системы нравственности, и ее успешное функционирование нуждается на определенном историческом этапе и в религиозном обосновании, так как предпринимателю необходим более мощный стимул, чем просто желание повысить прибыль (*Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., 2002. – С. 334–358*). Некоторые авторы считают, что М. Вебер переоценивал роль религиозных сект в ущерб другим факторам, прежде всего экономическому (*Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследование по истории морали. – М., 1987. – С. 358*).

³³ М. Вебер еще в работе «Протестантская этика...» признавал, что протестантизм не следует рассматривать как единственную причину, но лишь как фактор, который на определенном этапе пути к капитализму был способен освободить массовые мотивации для мирской активности.

управления и права. Со временем ее заимствовали светские и политические образования, оформившиеся в последующие эпохи»³⁴. Все различные светские правовые системы: феодальная, манориальная, торговая, городская, королевская – приспособляли для себя многие основные идеи и приемы канонического права. «Развиваясь отчасти в подражании, отчасти в соперничестве с каноническим правом, каждый из различных видов светского права постепенно стал восприниматься (хотя каждый в весьма различной степени) как правовая система, то есть целостный и ограниченно развивающийся корпус правовых институтов и понятий»³⁵.

Г. Берман отмечает, что понятие «верховенства права» опиралось на высокий уровень правового сознания, достигнутый на Западе в XII–XIII веках благодаря представлению, что право установлено Богом. Папы и короли издавали законы, но все были уверены, что через них это делает Бог – источник всякого права. Концепция верховенства права поддерживалась господствующей религиозной идеологией³⁶.

М. Вебер предложил типологию правового мышления, главный критерий которой заключался в том, отделена или слита правовая система с политической и с религией, а также считается ли право совокупностью созданных человеком правил или сводом неизменных традиций.

Самодостаточность правовой системы, т.е. возможность обеспечить все необходимые процедуры и правила ею самой, Вебер называет «формальностью», отражающей степень автономии правовой системы. Формальным системам противопоставляются материальные, то есть такие, в которых для принятия решения используются внешние по отношению к праву критерии (религиозные, этические, политические). У мусульман материальное иррациональное право – решения принимаются на основе религиозных, этических и политических соображений. Аналогичные правовые системы встречаются в Древней Греции, в китайском обществе. Этот тип правового мышления не проводит грани между правовыми и неправовыми основаниями для принятия решения.

М. Вебер был убежден, что обязательное и всеобщее подчинение верующих трансцендентному Богу и абстрактным этическим нормам создает социально-психологические предпосылки для утверждения в обществе безличных юридических отношений. Основанное на формальной правовой регуляции политическое

³⁴ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. – М., 1994. – С. 502.

³⁵ Там же. – С. 262.

³⁶ Там же. – С. 279.

устройство имеет своей предпосылкой безличные отношения между индивидами, выступающими в качестве юридических лиц.

В Европе следствием религиозной рационализации стала дифференциация сфер экономики, политики, религии, науки, морали и права. Процесс рационализации непосредственно связан с выделением этих сфер в самостоятельные области, независимые от религии.

Рационализация культуры приводит к отделению правовых и этических доктрин от религиозного мировоззрения. Мораль и право становятся автономными. В результате «расколдовывания» мира религиозные и метафизические мировоззрения теряют способность обосновывать нормы социального взаимодействия. Происходит постепенная рационализация жизненного мира, в результате которой он становится предметом рациональной дискуссии. Авторитет священного замещается консенсусом, который призван в рациональной форме выразить общность интересов, универсалистская мораль замещает в секуляризованном обществе авторитет священного и обеспечивает социальную интеграцию.

После религиозных войн XVI-XVII веков в Европе политический порядок отделяется от религиозного мировоззрения, которое на протяжении многих веков обеспечивало легитимацию государства в традиционном обществе. Единое для всего общества религиозное мировоззрение распадается. Возникает плюрализм верований и воззрений. Утверждается принцип отделения церкви от государства. К концу XVIII века происходит завершение дифференциации сфер культурных ценностей: вопросы истины, справедливости и вкуса начинают разрабатываться автономно в соответствии с их спецификой. Автономия науки, правовой системы и этики становится все более выраженной и получает институциональное выражение. Единая религиозно-метафизическая картина мира распадается. На смену ей приходят автономные сферы культурных ценностей, которые уже не получают свой смысл и легитимацию извне, из области трансцендентного. Не остается зон, защищенных от критики. Отныне сферы науки, морали и права обладают собственными внутренними законами и историей. Расхождение этих сфер – один из основных признаков рационалистичности западной культуры. «Обособление науки, морали и искусства, служащее основной характеристикой рационализма западной культуры, в то же время означает автономизацию секторов, разрабатываемых специалистами, и отделение этих секторов от потока традиции»³⁷.

Русское православие в своем отношении к миру коренным образом отличается от пуританизма и протестантизма вообще, хотя, по мнению С.Н. Булгакова, в дисциплине аскетического

³⁷ Хабермас Ю. Политические работы. – М., 2005. – С. 19.

«послушания» и «хождения пред Богом» оно имеет с ним и нечто общее³⁸. Булгаков считал, что в православии труд «может рассматриваться и как исполнение религиозных или нравственных обязанностей. В связи с религиозными представлениями труд, хотя и в «поте лица», впечатлевается, например, в сознании русского крестьянства как особое религиозное делание... Труд входит в систему общей аскетики, рассматривается как средство аскетических упражнений, как послушание, значение и ценность которого, по крайней мере отчасти, лежит вне самого процесса труда»³⁹.

В России природно-климатический фактор во многом обусловил возникновение общинной формы хозяйствования, при которой каждый двор имел свой надел и вел индивидуальное хозяйство, однако землей владела община, она же выплачивала подати и выполняла другие общественные повинности. Община нейтрализовывала неблагоприятные последствия дефицита рабочего времени летом путем различных форм коллективного и совместного труда, в случае неурожая или потери кормильца, болезни и других обстоятельств обеспечивала продовольствием своих членов и возможность выживания людей. Община была приспособлена к суровым природным условиям, гарантировала всем ее членам необходимый для существования минимум. К общинному коллективизму во многом восходят характерные для российского социума ценности коммунитаризма и приоритет групповой справедливости перед индивидуальной свободой.

Особенностью российской культуры на протяжении веков являлось стремление к целостности, единству. Для русских была чужда дифференцированность и обособленность отдельных сфер и ценностей западной жизни⁴⁰. В Россию с большим запозданием приходит рационализм. Распад единой религиозно-метафизической картины мира оценивается крайне негативно. А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, Ю.Ф. Самарин, В.С. Соловьев и др. на многих страницах критиковали «отвлеченный рассудок», «отвлеченные

³⁸ Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. – Том 2. Избранные статьи. – М., 1993. – С. 362.

³⁹ Там же. – С. 348-349.

⁴⁰ На это обращает внимание С.Л. Франк: «Русскому духу чужды и неизвестны дифференцированность и обособленность отдельных сфер и ценностей западной жизни – и не по причине его примитивности, а именно из-за того, что это противоречит его внутренней сути. Все относительное, что бы оно собой ни представляло – будь то мораль, наука, искусство, право, национальности и т.д., как таковое, не является для русского никакой ценностью. Оно обретает ценность лишь благодаря своему отношению к абсолютному, лишь как выражение и форма проявления абсолютного, абсолютной истины и абсолютного спасения» (Франк С.Л. Духовные основы общества. – М., 1992. – С. 491).

начала»⁴¹. Эта же черта характерна и для русских материалистов: Д.И. Писарев, В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский восстают против «отвлеченности».

«Всеединство» как особенность российской политической культуры связана с таким ее центральным понятием, как «соборность». Соборность есть определенный принцип собирания множества в единство, она выражает идею такого единства во множестве, при котором преодолевается раздельность, разъединенность элементов. Для А.С. Хомякова специфический характер соборного единства состоял в том, что оно держится духовной и нравственной связью⁴².

Принцип соборности находится в ближайшем родстве с принципом всеединства: оба принципа выражают способ организации совершенного единства множества. Всеединство означает принцип внутренней формы совершенного единства множества, согласно которому все элементы множества тождественны между собой и тождественны целому, но в то же время не сливаются в неразличимое сплошное единство. В русской философии метафизика всеединства была ее главным содержанием, отражающим особенности российского менталитета. Составными частями русских «систем всеединства» (В.С. Соловьев, С.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский, С.Л. Франк, Л.П. Красавин, Н.О. Лосский, С.Н. Булгаков и др.) были этика, эстетика, учение о государстве и праве, а в центре находилось учение об Абсолюте.

В СССР идея единства была воспроизведена в секуляризованной форме. Человек и государство воспринимались как нечто единое и неразрывное, место религии заняла марксистская доктрина и т.д.

Принцип единства прослеживается и в раскрытии темы соотношения нравственности и права. Подчеркивалось, что право не охватывает все сферы нравственности, поскольку человеческий закон запрещает не все пороки, а только наиболее тяжкие, без запрета которых человеческое общество не может существовать, например, убийство, воровство и т.п. Но право и нравственность имеют общий исток, одно дополняет другое. В православной традиции утверждается реальность естественного нравственного

⁴¹ Диссертация В.С.Соловьева называлась «Критика отвлеченных начал» и была посвящена, в частности, критике западного рационализма и обоснованию тезиса, что истина есть сущее всеединое, единство истины, добра и красоты (Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. – Т. 1. – М., 1990. – С. 581–745).

⁴² Анализ понятия «соборность» проведен в статье: Хоружий С.С. Хомяков и принцип соборности // Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. – СПб., 1994. – С. 17–29.

закона как принципа, имеющего безусловный и всеобщий характер⁴³. Естественный нравственный закон лежит в основе всех и правовых, и этических норм.

Для православного мировоззрения отнюдь не чуждо правовое сознание. Напротив, как для общества, так и для личности в православии существуют все предпосылки для утверждения уважения к закону, правам человека. Лишь у славянофилов XIX века, которых далеко не всегда можно считать выразителями православной традиции, встречается концептуальное и последовательное нравственное осуждение права. Славянофилы провозгласили, что русской культуре, которая ориентирована на идеал бескорыстия и святости, право чуждо и непонятно. П.И. Новгородцев называет это положение славянофилов «фантазией едва ли не самой фантастической»⁴⁴. Впрочем, представители церкви всегда подчеркивают, что нравственные правила, возведенные христианством, не означают отхода от принципов законности и справедливости. Любовь, сострадание и милосердие ни в коей мере не отменяют и не нарушают справедливость закона. Авторитетный русский богослов XIX века Феофан Затворник писал, что к числу основных обязанностей православного христианина относится следующее: «знать и хранить законы, охотно им повиноваться и усердно нести все повинности, не отклоняясь от существующих постановлений»⁴⁵. Руководствуясь заповедями, христианин может отказаться от того, чтобы добиваться справедливости для себя, но ни в коем случае не должен и не может нарушить ее по отношению к другим людям.

Наиболее последовательное христианское обоснование права было развернуто В.С. Соловьевым в «Оправдании добра». Его пафос заключался как раз в борьбе со «славянофильской иллюзией» о том, что право будто бы для некоторых благословенных Богом народов неважно и ненужно⁴⁶. Право и нравственность – различные, но не противоположные нормативные системы. По мнению В.С. Соловьева, право и нравственность не совпадают между собой, но между этими двумя сферами существует тесное внутреннее отношение. С нравственной точки зрения нельзя отрицать, пишет В.С. Соловьев, что требование добросовестного исполнения закона есть требование хотя и элементарного, но все-таки добра, а не зла, и что если мы должны любить врагов, то и подавно должны уважать жизнь и

⁴³ Платон (Игумен), архим. Православное нравственное богословие. – Сергиев-Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. – С. 32.

⁴⁴ Новгородцев П.И. Идея права с философии Вл.С.Соловьева // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М., 1991. – С. 530.

⁴⁵ Феофан Затворник. Начертание христианского нравоучения. – М., 1895. – С. 515–516.

⁴⁶ Новгородцев П.И. Идея права с философии Вл.С.Соловьева. – С. 527–532.

имущество всех наших ближних. Выполнение гражданского закона не требует высшего нравственного совершенства, но и не отрицает его, и, запрещая кому бы то ни было убивать и обманывать, закон не может, да и не имеет надобности мешать кому угодно любить своих врагов. Таким образом, В.С. Соловьев называет право «низшим пределом или определенным минимумом нравственности»⁴⁷. Право есть требование реализации этого минимума, то есть осуществления определенного минимального добра и недопущения известных проявлений зла. Закон есть необходимое условие этического совершенства. В праве Соловьев видел союзника, который способствует осуществлению его цели – нравственного преображения человечества.

В России существовали и другие традиции обоснования права, которые двигались вполне в русле европейской либеральной мысли. К примеру, по вопросу о соотношении права и нравственности между В.С. Соловьевым и Б.Н. Чичериным (1828-1904) возникла дискуссия. Б.Н. Чичерин в журнале «Вопросы философии и психологии» за 1897 год выступил с критикой позиции Вл. Соловьева. Он считал, что хотя область права действительно ближе всех остальных областей человеческой деятельности к нравственности, однако это является следствием того, что оба эти начала происходят из одного источника – из природы человека, как разумно-свободного существа. Право и нравственность управляют двумя разными сферами свободы: первое – внешними отношениями свободы одного лица к свободе других, второе – внутренними побуждениями человека, определяемыми совестью⁴⁸. Отметим кратко, что во второй половине XIX века в России сложилась достаточно развитая правовая система. Так, согласно принятым в 1864 году уставам гражданского и уголовного судопроизводства, административная власть отделялась от судебной, дела рассматривались в двух судебных инстанциях, была установлена компетенция прокуратуры и принцип «запрета отказа в правосудии»⁴⁹. Судопроизводство было основано на началах гласности и состязательности.

Либеральная традиция в России была слабой, и характерное для либерализма разведение нравственной и правовой сфер в России развития не получило. Право, как и нравственность, не было самодостаточным и не получило независимого от религии обоснования. В российской правовой литературе лишь к концу

⁴⁷ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. – Т. 1. – М., 1990. – С. 448.

⁴⁸ Подробнее анализ этой полемики см.: Приленский В.Н. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. – Часть I. – М., 1995. – С. 250–276.

⁴⁹ Кутафин О.Е., Лебедева В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. – Т. 3. – М. 2003. – С. 586.

XX века стали без критики излагать либеральную теорию права, в которой оно признается орудием свободы личности, а безусловное следование праву понимается как условие свободы. Либеральная мысль настаивает на необходимости подчинения закону и даже называет его «необходимым стражем свободы». В нравственной области такого диктата быть не может. По этой причине правовая сфера признается отличной и отдельной от нравственной. Нравственность – частное дело человека. Каждый индивид вправе сам определять свой образ жизни, выбирать себе ценности. Право индивида на раскрытие своих возможностей, на проявление своей личности ограничивается тем, чтобы не ущемлять такое же право другого человека. Этические критерии либеральной философии просты: если некоторый институт приносит пользу обществу, против него нельзя выдвигать обвинения в безнравственности⁵⁰. Либерализм считает, что нравственно все, что служит сохранению общественного порядка, однако никто не обязан подчиняться общим нормам.

В христианской картине мира положительное право обосновывалось религиозно или метафизически обоснованным естественным правом и моралью. «Подверженное течению времени положительное право должно было подчиняться – в смысле иерархии законов – наделенному вечной силой моральному праву и брать оттуда надежные ориентиры»⁵¹. Однако в плюралистических обществах такие целостные картины мира и коллективно обязательные этики распались. И современное право в силу своих формальных качеств не поддается прямому доступу морали, опирающейся на совесть. Произошло освобождение правовых субъектов от моральных заповедей. Разрешено все, что не запрещено. Право и мораль имеют отношения скорее дополнительности, нежели подчинения. Право вынуждено доказывать свою легитимность в аспекте охраны свободы⁵². Современное конституционное государство понимается как свободная ассоциация лиц, подчиняющихся одному и тому же праву. Граждане демократического правового государства воспринимают себя и друг друга как авторов закона, которому они обязаны подчиняться в качестве его адресатов. Обязанности проистекают из совместимости прав каждого с равными правами всех остальных. Правовые ценности – в силу абстрактной всеобщности права и правовой формы – носят всеобщий и общезначимый характер⁵³.

* * *

⁵⁰ Мизерс Л. Либерализм в классической традиции. – М., 2001. – С. 38.

⁵¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. – СПб., 2001. – С. 404.

⁵² Там же. – С. 406.

⁵³ Нерсесянц В.С. Философия права. – М., 2001. – С. 58–59.

Мельков А.С. О мерах по совершенствованию российского законодательства в области защиты русского языка⁵⁴

Сегодня русский язык, обладающий в России специальным статусом государственного языка, нуждается в защите. Надо признать, что против русского языка ведется неприкрытая агрессия, которая в основном осуществляется в виде неконтролируемой экспансии американизмов и других иностранных заимствований в лексику. В связи с этим перед нами остро встает проблема языковой безопасности и правового регулирования в области защиты русского языка.

Когда мы говорим о необходимости защиты русского языка, мы подразумеваем, что необходимо бороться не со словами типа «кофе», «метро» и «компьютер» (т.е. заимствованными в определенные исторические периоды словами), а с тем

---

⁵⁴ **Мельков Андрей Сергеевич** – кандидат филологических наук, преподаватель Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, член Молодежной Общественной Палаты РФ, член Союза писателей России, член Общественного Консультативного Совета «Образование как механизм формирования духовно-нравственной культуры общества» при Департаменте образования города Москвы.

Статья посвящена проблеме языковой безопасности в современной России, а также вопросам сохранения и развития языковой культуры в нормативно-правовых аспектах. Перечисляются основные вызовы и угрозы, с которыми сталкиваются общество и народ в связи с несовершенством законодательства в области защиты государственного языка Российской Федерации, описывается зарубежный опыт в области правового регулирования языковой безопасности, предлагается комплекс неотложных мер по совершенствованию российского законодательства в области защиты русского языка.

Ключевые слова: языковая безопасность, языковая культура, защита русского языка, государственный язык, зарубежный опыт, совершенствование законодательства, иностранные заимствования в лексике, нравственный обман, легализация порока, закон о защите языка, совещательный орган, правовая ответственность.

Mel'kov A.S. About the measures of Russian legislation improvements in the sphere of the Russian language defense

The article is devoted to the problem of language security in current Russia and to the questions of preservation and development of the language culture in normative – legal aspects as well. The attacks and threats faced by the society and people in connection with the imperfect legislation in the sphere of state language of Russian Federation's protection are enumerated, foreign experience in the sphere of lawful regulation of the language security is described, and a complex of urgent legislation improving measures in the sphere or Russian protection is offered.

Key words: language security, language culture, Russian protection, state language, foreign experience, legislation improving, foreign lexical borrowing, moral deception, legal responsibility, language security law, deliberative assembly, legal liability.

нравственным обманом, который утверждается в нашей жизни под видом ничем не оправданной фиксации в русском литературном языке множества новых слов иноязычного происхождения.

Неконтролируемые лексические заимствования в современный русский язык (главным образом, американизмы) приводят к тому, что в нашем обществе маскируются многие нравственные пороки. Через этот новояз будто скрывают свой подлинный облик, выдаются за положительные, прежде носившие в русском языке конкретную отрицательную окраску, понятия и явления. Для примера, вдумаясь в такие популярные ныне слова, как «киллер», «гей», «рэкетиры», «путана». Они звучат вполне современно, и их окружает искусственный ореол романтики и вождя свободы. Но если мы назовем эти слова привычными именами на русском литературном языке, то это будут «убийца», «содомит», «вымогатель», «блудница». Согласитесь, что романтики тут никакой нет, а есть конкретное лексическое значение слов, далекое от высоких нравственных идеалов цивилизованного общества. Налицо попытка легализации порока в нашей жизни, в жизни всего российского народа при помощи манипуляций с родным языком и родной речью, что является противоправным посягательством на культурные права граждан и их достоинство по национальному признаку.

Вот и получается, что разрушение русского языка, разрушение нравственности нашего народа есть не стихийный, а очень четко организованный и навязанный процесс. В итоге, вместе с навязыванием пародии на нашу богатейшую культуру, навязывается и пародия на сам русский язык. Борьба с этими разрушительными тенденциями необходимо, совершенствуя нормативно-правовую базу в области языковой безопасности.

Известно, что наиболее строгий закон о языке действует в Польше, он не только запрещает использование иностранных слов, имеющих польские аналоги, но и предусматривает, чтобы иностранные названия, имена собственные и торговые марки переводились на польский язык.

Согласно закону о защите французского языка, лица, злоупотребляющие в средствах массовой коммуникации (рекламе) иностранными словами, у которых есть соответствующие по смыслу французские слова, штрафуются на сумму до 20 тысяч евро. В свое время во Франции мощное давление американской культуры и английского языка в его американском варианте на государственный язык вызвало серьезное беспокойство о сохранении родного языка, национальной культуры, мышления. Поэтому самое нетерпимое отношение к американизмам именно во Франции. В 1994 году был принят «Закон об использовании французского языка» (так

называемый «Закон Тубона»). Он запрещает необоснованное использование американизмов в публичной и официальной речи под угрозой большого денежного штрафа. В музыкальных программах иностранной музыки не должно быть больше 40 %. Специальные цензоры следят за употреблением заимствований в газетах, журналах, на телевидении и радио.

Принятие закона о защите французского языка послужило сигналом и стимулом для обсуждения аналогичных законопроектов в других странах: Германии, Польше, Эстонии, Румынии.

И вот еще один пример. В конце 70-х годов в канадской провинции Квебек была принята Хартия французского языка, также именуемая «Закон 101» (Loi 101). Главной целью этого закона является защита официального статуса французского языка. Закон радикально изменил лингвистическую ситуацию, сложившуюся в Квебеке. Главной долгосрочной целью закона была защита франкоязычного населения Квебека от ассимиляции и поощрение интеграции иммигрантов в культуру **франко-канадского** большинства провинции.

Эти примеры убедительно показывают, что подобная юридическая практика в области защиты государственного языка должна быть реализована и в России. В нынешней редакции Федерального Закона «О государственном языке РФ» есть статья 4 «Защита и поддержка государственного языка Российской Федерации», которая содержит общие пространственные формулировки. Эта статья должна быть кардинально расширена и доработана.

Нужно не только на правовом уровне запретить использовать неассимилированные иноязычные заимствования, фонетически, орфографически или синтаксически неправильные варианты слов в СМИ, рекламе и делопроизводстве, но и ввести правовую ответственность за нарушение положений закона о государственном языке.

В Законе необходимо ввести ограничения на необоснованное использование в публичной и официальной речи иноязычных слов (главным образом слов, замещающих русские слова) и слов, искажающих облик русского литературного языка – это так называемые «неправильные русские слова» (жаргонизмы, матерщина, сетевой сленг Интернета, искажение ударения и пр.).

Для защиты русского языка необходимо создать специальный совещательный орган при Правительстве РФ, куда должны войти ученые-филологи, преподаватели вузов, а также лица, имеющие общепризнанный авторитет в области филологии русского языка – писатели, поэты, критики.

Сегодня жизненно необходимы не только поправки к Федеральному Закону «О государственном языке», но и нужен отдельный Закон «О защите русского (государственного) языка». Очевидно, что в условиях, когда Россия провозглашена страной, в которой в 2014 году пройдут XXII Зимние Олимпийские игры, необходимо создать все условия для выработки основных положений этого Закона. Россия обязана не только охранять и защищать свой государственный язык, но и с умом использовать полученный Олимпийский статус для сохранения русскоязычного пространства за рубежом и распространения русской культуры среди населения иностранных государств.

* * *

Емелина Л.А. Правовое регулирование условий и порядка расторжения брака в зарубежных странах⁵⁵

Институт расторжения брака с давних времен признавался во многих культурах существенно необходимым элементом системы регулирования семейных отношений. В классическом римском праве мы находим уже не просто констатацию возможности развода в определенных законом случаях, но и детальный анализ особенностей причин расторжения брака и их влияния на правовые последствия такого расторжения. Противоположный подход последовательно демонстрировало каноническое право, негативно относившееся к возможности расторжения освященного церковью брачного союза.

В результате взаимовлияния цивилистической и религиозной концепций брака на сегодняшний день в мире сформировались многочисленные национальные модели регулирования расторжения брака.

Проблема прекращения брака путем развода до недавнего времени была одной из трудноразрешимых в странах с сильными христианскими традициями, в силу которых брак является пожизненным, нерасторжимым союзом. Хотя эта жесткая норма постоянно вступала в конфликты с реалиями жизни, тем не менее, развод долгое время не допускался в Италии, Испании, некоторых странах Латинской Америки. В тех же правовых системах, где в принципе прекращение брака путем развода было возможно, получить реально развод оказывалось трудно, поскольку, с одной стороны, сама процедура развода была достаточно сложна и дорогостояща, а с другой – развод допускался законом только в строго ограниченных случаях и лишь по основаниям, прямо в нем предусмотренным. При этом развод рассматривался в рамках всех правовых систем как санкция за виновное поведение супруга, за нарушение договора в виде его прекращения с взысканием убытков и в некоторых случаях – с возмещением морального вреда.

Начиная со второй половины 60-х годов прошлого века, в результате правовых реформ, получение развода было в

⁵⁵ **Емелина Людмила Анатольевна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации.

В статье рассматриваются особенности регулирования условий и порядка расторжения брака в зарубежных странах.

Ключевые слова: брак, развод, раздельное проживание, вина, раздел имущества.

Emelina L.A. Conditions and procedures of divorce regulation in foreign countries.

In article the author analyzed characteristics of conditions and procedures of divorce regulation in foreign countries.

Keywords: marriage, divorce, separation, guilt, division of property.

значительной мере либерализовано. Тем не менее, при формальной свободе развода и формальном равенстве мужа и жены в возбуждении дела о разводе фактические возможности сторон до настоящего времени далеко не равны. В некоторых странах (прежде всего – в мусульманских странах) сохраняется и формальная дискриминация женщин в праве на развод.

По общему правилу развод означает прекращение брака по воле одного или обоих супругов при их жизни. Вследствие этого в некоторых странах (например, в Швеции) для получения развода достаточно заявления об этом обоим или даже одного из супругов. В большинстве же других стран основанием для развода является распад брака (в Англии и некоторых штатах США – «непоправимый распад» брака).

В **Англии** развод как способ прекращения брака был предусмотрен уже в XIX веке и до реформы 1969 года мог быть получен в качестве санкции за виновное поведение ответчика. В настоящее время Законом о реформе семейного права от 1969 г. предусматриваются следующие основания для развода:

- супружеская неверность;
- оставление ответчиком супруга-истца без уважительных причин на срок не менее трех лет, предшествующих подаче заявления о разводе (нарушение консорциума);
- жестокое обращение ответчика с супругом-истцом;
- неизлечимая душевная болезнь ответчика, при условии нахождения его на излечении не менее пяти лет непосредственно перед обращением супруга-истца в суд;
- объявление безвестно отсутствующего лица умершим.

Английскому праву в принципе не известен внесудебный порядок расторжения брака. Расторжение брака осуществляется путем выдачи судом приказа о раздельном проживании (*separation order*) или приказа о разводе (*divorce order*). При этом приказ о раздельном проживании, как правило, предшествует выдаче приказа о разводе, имея в виду, что во время раздельного проживания супруги еще имеют шанс сохранить брак. Таким образом, приказ о раздельном проживании является первым этапом, предшествующим разводу. Основания и порядок выдачи приказа как о раздельном проживании, так и о разводе определяются в Законе о семейном праве от 1996 года.

При проведении бракоразводных процессов суд уполномочен, наряду с выдачей приказов о разводе или о раздельном проживании, выдавать также приказы, запрещающие развод (*divorce preventing order*), в случаях, когда:

- расторжение брака может привести к существенным финансовым или иным трудностям супруга-истца или детей в данной семье;

- с учетом всех сложившихся обстоятельств (включая поведение сторон и интересы любого из детей в данной семье) прекращение брака будет несправедливым.

По праву **Германии** брак прекращается вследствие смерти одного из супругов или судебным решением по заявлению одного или обоих супругов. Брак считается прекращенным с момента вступления решения суда в законную силу. Основания для требования о расторжении брака содержатся в § 1565–1568 Германского гражданского уложения. Брак может быть расторгнут, если он фактически распался, т.е. супруги не ведут совместную жизнь, и нельзя ожидать ее возобновления. Если супруги живут раздельно менее одного года, то брак может быть расторгнут только тогда, когда продолжение брака было бы *«непереносимо жестоким»* для заявителя по причинам, связанным с личностью другого супруга.

Брак не должен расторгаться, хотя он фактически распался, если и поскольку сохранение брака в порядке исключения необходимо в интересах родившихся от этого брака несовершеннолетних детей или если и поскольку расторжение брака являлось бы по причине чрезвычайных обстоятельств *«непереносимо жестоким»* для супруга, отказывающегося дать согласие на развод заявителю.

Во **Франции** аналогичный подход к прекращению брака (статья 227 Французского Гражданского кодекса (далее – ФГК)). Если супруги совместно требуют развода, то они не обязаны сообщать его причину, а только должны предоставить на одобрение судьи проект соглашения, которое определяет последствия развода. Развод по взаимному согласию невозможен в течение первых шести месяцев брака (статья 230 ФГК).

Один из супругов может требовать развода по причине длительного разлада семейной жизни, при условии, что супруги фактически живут раздельно в течение шести лет (статья 237 ФГК). Согласно статье 238 ФГК супруг также может требовать развода в случае серьезного психического заболевания другого супруга на протяжении шести лет, что привело к фактическому прекращению совместной жизни супругов, и согласно разумным прогнозам она не может быть восстановлена в будущем. Суд вправе на основании статьи 240 ФГК отклонить это требование, если развод может повлечь слишком тяжелые последствия для здоровья другого супруга.

Законом также предусмотрена возможность отклонения судьей требования о разводе в случае, если другой супруг докажет, что

развод будет иметь либо для него самого с учетом его возраста и продолжительности брака, либо для его детей чрезвычайно тяжелые материальные или моральные последствия (статья 240 ФГК).

Требование о разводе может быть заявлено одним из супругов по причине виновных действий другого супруга, если эти действия являются серьезным или повторным нарушением супружеского долга и обязанностей и делают невозможным сохранение совместной жизни.

Решение о раздельном проживании может быть принято в судебном порядке по требованию одного из супругов в тех же случаях и на тех же условиях, что и развод. В отличие от развода, раздельное проживание не прекращает брака, но оно прекращает обязанность жить вместе и влечет раздел имущества при сохранении остальных возникших из брака обязанностей (хранить взаимную верность и оказывать взаимную поддержку). Добровольное возобновление совместной жизни прекращает разлучение супругов. По требованию одного из супругов судебное решение о разлучении в силу закона преобразуется в решение о разводе, если разлучение супругов сохраняется в течение трех лет (статья 306 ФГК).

Развод прекращает брак только на будущее время, а все последствия брака, возникшие до развода, остаются в силе. В этом заключается основное различие между расторжением брака и признанием его недействительным, которое обладает обратной силой.

Совершенно иной подход к вопросам развода демонстрирует законодательство **Швеции**, придерживающееся крайне либеральных позиций. В соответствии с Законом от 1974 года, брак может быть расторгнут по заявлению одной из сторон, при этом истец не обязан объяснять суду причины развода, а суд – проверять, действительно ли произошел распад брака. Если второй супруг не возражает против развода, то брак расторгается без назначения каких-либо сроков. Если у супругов имеются несовершеннолетние дети, то суд назначает шестимесячный срок для обдумывания, по истечении которого в случае повторения просьбы истца суд обязан расторгнуть брак без исследования причин развода. Такой подход основывается на концепции невмешательства государства в личную жизнь своих граждан.

В 11 штатах **США** развод предоставляется только по одному основанию – непоправимый распад брака. В большинстве остальных штатов законодательство и нормы общего права предусматривают сходные с континентальным правом основания прекращения брака: смерть одного из супругов, развод (расторжение брака), признание брака недействительным.

Внесудебный порядок расторжения брака возможен при наличии брачного договора, разрешающего все имущественные вопросы и определяющего права и обязанности сторон в отношении детей. Названный брачный договор предоставляет возможность внесудебного расторжения брака в любом штате, если ни одна из сторон не оспаривает положение договора. В отсутствие брачного договора внесудебный порядок расторжения брака допускается лишь в некоторых штатах (например, в штате Калифорния), выделяющих раздельное и общее имущество супругов. В этих штатах стороны вправе не обращаться в суд за расторжением брака при условии, что у супругов нет имущественных претензий друг к другу и нет общих детей. Развод при названных условиях оформляется органом или должностным лицом графства, которое выдает и регистрирует документ о заключении брака.

При расторжении брака через суд последний призван разрешить два главных вопроса: разделить имущество супругов и определить судьбу детей, если они есть. Законы штатов, определяя разный режим имущества супругов, устанавливают и разные способы раздела этого имущества. В тех штатах, где законодательство выделяет раздельное и общее имущество супругов (например, в штате Калифорния), закреплён принцип абсолютно равного раздела общего имущества. Суд руководствуется равными правами супругов на имущество. При разделе учитываются все обстоятельства: кто и каким имуществом пользовался в период брака, кому какое имущество больше подходит или более необходимо, с учетом и того, с кем из супругов остаются дети.

Вместе с тем законы некоторых штатов (где известен раздельный и общий режим имущества супругов) закрепляют другой способ раздела – «по справедливости». Этот способ является единственным способом раздела общего совместного и долевого имущества супругов в штатах, где все имущество относят к общему имуществу супругов (совместному или долевному). Это, в основном, штаты, законы которых базируются на нормах общего права. Суд определяет, какой раздел общего имущества супругов является справедливым при сложившихся обстоятельствах в каждом конкретном случае. Выявить какие-либо общие подходы в судебной практике сложно в силу множества влияющих факторов, за исключением, пожалуй, раздела единственного жилища: если у супругов имеется только одно жилище, то оно оставляется тому супругу, с которым остаются дети. Если, оставляя жилище одному супругу, другому невозможно передать иное имущество, восстанавливающее справедливость раздела, суд постановляет разделить общее жилище между супругами после достижения детьми

18-летнего возраста, при этом сразу же определяя его стоимость и долю каждого из супругов.

Практика последних десяти лет свидетельствует о том, что сегодня подлежит разделу не только традиционное имущество супругов, которое складывается из движимых и недвижимых вещей и имущественных прав, но и так называемое «нетрадиционное имущество», которое по своей природе к имуществу не относится вообще или является очень специфическим. Почти во всех штатах к нетрадиционному имуществу, подлежащему разделу между супругами при разводе, законы относят: степень специалиста; деловую репутацию фирмы, включая ее фирменное наименование, товарный знак; деловые связи; пенсию по старости, назначенную одному из супругов; пенсию по добровольному пенсионному страхованию; средства, накопленные фондом добровольного страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Все виды перечисленного нетрадиционного имущества увеличивают благосостояние лица, которому они принадлежат (как имущественные права, так и личные неимущественные), и именно поэтому суды делят это имущество между супругами. Особенно внимательно судьи относятся к разделу нетрадиционного имущества, когда один из супругов занимается только домашним хозяйством и не заработал себе никакой пенсии или работал на низкооплачиваемой работе, с тем чтобы обеспечить другому супругу возможность достичь высокого профессионального уровня (получить степень специалиста или лицензию на определенную деятельность). Раздел только традиционного имущества в указанных случаях не отвечал бы справедливости, поскольку после развода уровень жизни супругов слишком сильно отличался бы, в то время как блага, которые создадут одному супругу очень высокий уровень жизни, были достигнуты супругами сообща.

Таким образом, в развитых западных странах четко проявляется тенденция отступления от традиционного принципа «вины» и концепции расторжения брака как санкции и перехода к более прогрессивному и либеральному пониманию развода как факта распавшегося семейного союза.

Процедура развода в различных странах либо чрезмерно усложнена (обязательное участие адвокатов в ФРГ, длительное проживание в штате по месту развода – в США), либо, напротив, упрощена (например, в некоторых штатах Мексики супруги могут осуществлять бракоразводный процесс, посылая свои заявления по почте).

Расторжение брака влечет комплекс важных правовых последствий не только для бывших супругов, но и для их детей. Один

из практически наиболее важных вопросов связан со взаимным содержанием разведенных супругов. Имеются и проблемы личного характера, в частности, сохранение общего имени. Нельзя не учитывать и проблемы чисто экономического характера: в случае развода в Японии, например, женщине трудно устроиться на работу.

У **иудеев** развод происходит относительно свободно. По Пятикнижию Моисея, жене, не нашедшей благоволения в глазах мужа, последний мог написать разводное письмо. Получив его, оставленная женщина имела право на другой брак. Позднее эти правила были пересмотрены. Если супруга была против развода, избавиться от неё муж мог, лишь имея веские на то основания. Серьезность же заявленных оснований оценивал исключительно суд раввинов. При случае он мог заставить недобросовестного супруга написать разводное письмо. Особо упрямым грозило запрещение посещать синагогу. В современном Израиле в особо исключительных случаях виновный супруг может даже быть подвергнут тюремному заключению.

У **мусульман**, по исламскому праву, рассорившемуся с женой достаточно во всеуслышание произнести формулу развода, и женщина перестает быть женой. Произнеся эту фразу трижды, мужчина мог вновь вступить с этой женщиной в брак лишь после её брака и развода с другим. Если же заветная фраза прозвучала девять раз, мусульманин терял супругу навсегда. Случалось, на обиженного снисходило раскаяние и, чтобы вернуть жену, приходилось тратить немалые деньги на оплату фиктивного жениха и на расходы по инсценировке свадьбы.

Самый большой простор для разводов предоставляет законодательство некоторых стран **Африки**. Здесь развестись можно практически по любому поводу: за лень, пьянство, прохладные отношения с тещей и, разумеется, колдовство.

* * *

Сидорова Л.А. Наиболее актуальные проблемы, возникающие при обеспечении прав и законных интересов ребенка⁵⁶

16 марта 2009 года на совещании, посвященном борьбе с преступлениями против детей, Президент Российской Федерации Д.А. Медведев заявил, что «отношение к детям – это тот показатель, по которому можно судить о зрелости, об уровне развития всего общества». Президент подчеркнул, что России «необходима современная система защиты детства, сегодня ее в стране просто нет».

В настоящее время проводится работа по приведению некоторых норм семейного законодательства в соответствие с Конституцией Российской Федерации.

Анализ законодательства и правоприменительной практики свидетельствуют о том, что в первую очередь необходим комплекс мер, направленных на:

- подписание и ратификацию Российской Федерацией международных конвенций и факультативных протоколов к ним по защите прав и законных интересов детей и внесение соответствующих поправок в российское законодательство;

---

⁵⁶ **Сидорова Людмила Анатольевна** – адвокат, соискатель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета им. М.М. Сперанского Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации.

В статье рассматриваются проблемы правоприменительной практики и совершенствования законодательства РФ об охране прав ребенка применительно к вопросу об определении местожительства ребенка, анализируется возможность определения местожительства ребёнка по месту жительства его матери, возможность применения статьи 330 Уголовного кодекса Российской Федерации при злоупотреблении родительскими правами.

Ключевые слова: определение местожительства ребенка, самоуправство, совершенствование законодательства по охране прав ребенка.

Sidorova L.A. The most important problems while ensuring the rights and legitimate interests of the child

The article deals with the problems of law enforcement practice and improvement of the Russian legislation on protection of rights of the child with respect to the issue of determining the child's place of residence, analyzes the possibility to determine the child's place of residence in accordance with the place of residence of his/her mother, possibility to apply article 330 of the Criminal Code of the Russian Federation to abuse of parental rights.

Keywords: determining child's place of residence, arbitrariness, improvement of legislation on protection of rights of the child.

- совершенствование законодательства, в первую очередь уголовного, по защите несовершеннолетних от преступных посягательств на жизнь, здоровье и половую неприкосновенность;

- совершенствование жилищного законодательства в части обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних на жилье;

- совершенствование законодательства по обеспечению прав и законных интересов ребенка при раздельном проживании родителей;

- расширение полномочий органов опеки и попечительства по защите прав ребенка;

- внесение поправок и изменений в закон об исполнительном производстве применительно к обеспечению прав и законных интересов ребенка.

Главное при этом, чтобы данная работа носила системный характер, а не временный, направленный на решение разовых проблем.

Но прежде остановимся на процессуальном вопросе, имеющем исключительную важность в деле обеспечения прав и законных интересов детей при расторжении брака.

В соответствии со статьями 23 и 24 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации, содержащих нормы о расторжении брака в судебном порядке, дела, связанные с защитой прав и интересов детей, отнесены к подсудности мировых судей и районных (городских) судов общей юрисдикции. Однако зачастую мировые судьи, рассматривая дела о расторжении брака, игнорируют положения статьи 24 Семейного кодекса Российской Федерации, формально ссылаясь на достижение сторонами соглашения о проживании и содержании несовершеннолетних детей, когда фактически такого соглашения сторонами в дело не представлено, что существенно нарушает в дальнейшем права детей и ведет к злоупотреблению родительскими правами.

В случае рассмотрения судом спора о расторжении брака при наличии несовершеннолетних детей, в целях соблюдения судами положений статьи 24 Семейного кодекса Российской Федерации, представляется не только целесообразным, но и просто необходимым:

- отнесение данной категории споров исключительно к компетенции федеральных районных судов;

- установление исключительной подсудности по делам, связанным с воспитанием несовершеннолетних детей, – по преимущественному месту жительства ребенка;

- по спорам, связанным с определением места жительства ребенка при раздельном проживании родителей и порядком общения

с ребенком отдельно проживающего родителя, следует установить немедленное исполнение решения суда.

Согласно действующему законодательству место жительства ребенка при раздельном проживании родителей устанавливается соглашением родителей (пункт 3 статьи 65 Семейного кодекса Российской Федерации).

Для того чтобы такое соглашение имело юридическую силу, оно должно быть заключено в письменной форме (пункт 2 статьи 66 Семейного кодекса Российской Федерации).

В данном случае предлагается:

- закрепление в Семейном кодексе соглашения между родителями о порядке их участия в воспитании, содержании, образовании и определении места жительства ребенка как самостоятельного вида соглашений. При этом в соответствующей норме необходимо установить основания, порядок, условия заключения таких соглашений, их примерную форму, а также ответственность за нарушение условий;

- предусмотреть в статье 24 Семейного кодекса Российской Федерации обязательность письменной формы соглашения родителей об определении места жительства ребенка в случае расторжения брака.

Пользуясь конституционно установленным равноправием обоих родителей, отдельно проживающий родитель может в одностороннем порядке изменить фактическое местожительство ребенка и удерживать его у себя, лишив ребенка привычной обстановки и окружения, а также общения с родителем, с которым ребенок проживал ранее, и чинить последнему препятствия в общении с ребенком и участии в его воспитании. При этом административной и уголовной ответственности за подобные деяния не возникает.

В этой связи целесообразно:

- ввести в Семейный кодекс Российской Федерации положение, согласно которому местожительство детей с момента рождения ребенка и регистрации данного юридического факта в органах ЗАГС определяется соглашением родителей, о чем делается запись в свидетельстве о рождении ребенка, наподобие той, которая делается в паспорте совершеннолетнего гражданина относительно места его регистрации;

- при отсутствии такого соглашения местом жительства ребенка является местожительство его матери (в европейском законодательстве аналог этого положения присутствует в Гражданском уложении Германии (§ 1626a) – «в случае отсутствия официально удостоверенного заявления о совместном

осуществлении заботы о ребенке, заботу о ребенке осуществляет его мать»);

- включить в Семейный кодекс РФ положение, предусматривающее, что родитель, с которым проживает ребенок, имеет право требовать возврата ребенка от любого лица, которое противоправно удерживает и не отдает его родителям или одному из родителей (аналог можно найти также в Гражданском уложении Германии (часть 1 § 1632)).

В данном случае самовольное изменение места жительства ребенка отдельно проживающим родителем будет являться основанием для привлечения виновного к административной или уголовной ответственности соответственно по статье 19.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях или статье 330 Уголовного кодекса Российской Федерации за самоуправство.

В связи с тем, что при рассмотрении споров о детях суды практически не применяют обеспечительные меры, предусмотренные Гражданско-процессуальным кодексом Российской Федерации, следует внести в Семейный кодекс РФ отдельное положение о предоставлении возможности судам при рассмотрении споров о детях применять меры по обеспечению иска в виде запрещения родителю, при котором находится ребенок (дети), препятствовать общению с ребенком (детьми) отдельно проживающему родителю. Данное положение соответствует пункту 2 части 1 статьи 140 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации, предусматривающему запрещение ответчику совершать определенные действия.

Целесообразно внести в Семейный кодекс Российской Федерации отдельное положение о привлечении психологов для участия в спорах, связанных с воспитанием детей, наряду с органами опеки и попечительства, по требованию суда или по требованию одной из сторон спора. Особенно важно привлечение психологов судами для участия в таких спорах, когда ребенок не достиг возраста десяти лет и его мнение не имеет обязательного значения при разрешении дела. В этом случае заключение психолога будет являться независимым мнением, выраженным в интересах ребенка.

По нашему мнению, требуется расширение полномочий органа опеки и попечительства по спорам об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей и порядке общения с ребенком отдельно проживающего родителя. В том числе по вопросам установления противоречий интересов родителей и детей в соответствии с законодательством. Поэтому целесообразно наделение органа опеки и попечительства такими полномочиями, при которых решение, направленное на устранение противоречий

интересов родителей и детей, должно являться обязательным для исполнения, его нарушение может явиться основанием для ограничения виновного родителя в родительских правах.

Это также будет иметь положительный результат по предупреждению родителей от злоупотребления своими родительскими правами, а также сокращению случаев лишения родительских прав, поскольку данная мера является крайней.

В целях обеспечения исполнения норм статей 55, 61, 63 (пункт 1), 65 (пункт 2), 66 (пункт 1), 67 Семейного кодекса Российской Федерации в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях следует установить норму об ответственности родителей за нарушение права ребенка на общение с отдельно проживающим родителем, а также отдельно проживающего родителя, других родственников ребенка (дедушки, бабушки, братья, сестры) на общение с ребенком.

Поскольку в случае вынесения судом решений по делам, связанным с разрешением спора о детях, данным законом не установлено право возложить на граждан, организации обязанности по передаче другим гражданам, организациям или в соответствующие бюджеты денежных средств и иного имущества, либо совершению в их пользу определенных действий, или воздержанию от этих действий, это делает невозможным возбуждение исполнительного производства на основании решений по данной категории гражданских дел. Что, в свою очередь, препятствует исполнению судебных решений по делам, связанным с разрешением спора о детях.

В этой связи необходимо внести изменения в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ.

Кроме того, учитывая особенности исполнительных документов по неимущественным спорам в отношении детей, требуется рассмотреть вопрос об обязательности привлечения к принудительному исполнению таких документов специалистов органов и учреждений, осуществляющих работу с детьми (органы опеки и попечительства, психологи, медицинские, социальные работники), в связи с чем потребуются разработка регламента проведения исполнительных действий по делам, связанным с участием в них несовершеннолетних.

* * *

Хахинова А.Н. Формирование правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации⁵⁷

Неотъемлемой составляющей процесса разрешения любого дела является интерпретационная деятельность Конституционного Суда Российской Федерации, и ее итогом выступает правовая позиция. Процесс формирования правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации складывается из определенных стадий. По нашему мнению, формирование содержания правовой позиции Суда осуществляется на этапе толкования норм права, отсюда представляет интерес исследование качественного состава тех «элементов», которые образуют ее содержательное наполнение.

В юридической литературе активно обсуждаются приемы формирования правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, так высказывается точка зрения, что правовая позиция имеет своим источником только нормы Конституции Российской Федерации, ее «дух и букву»⁵⁸. На первый взгляд, подобная точка зрения вполне приемлема с позиции того, что Конституционный Суд Российской Федерации имеет целью обеспечение и защиту конституционной законности, поэтому главным источником результата его правовой деятельности являются положения Конституции Российской Федерации.

Однако другие ученые считают, что конституционные положения не единственный «исходный материал» для формирования правовой позиции, поскольку Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение по делу, оценивая как

---

⁵⁷ **Хахинова Анастасия Николаевна** – аспирант кафедры государственного строительства и права Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

В статье рассмотрены проблемы формирования правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, а также использования в данном процессе различных правовых источников.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, решения Конституционного Суда, правовые позиции Конституционного Суда, конституционное правосудие.

Khakhinova A.N. Creating the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

The article is about the problems of formation of legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. And also use in the given process of various legal sources are considered.

Keywords: The constitutional Court of the Russian Federation, the decision of the Constitutional Court, legal positions of the Constitutional Court, the constitutional justice.

⁵⁸ См.: *Гаджиев Г.А.* Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. – 1999. – № 3. – С. 81–85.

буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов (статья 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»)⁵⁹. Поэтому В.А. Анишина и некоторые другие ученые считают «исходным материалом» формируемой правовой позиции Суда наряду с Конституцией Российской Федерации нормы отраслевого законодательства⁶⁰. Негативной стороной данной точки зрения является то, что такой подход приводил бы к неполному исследованию Судом материалов по конкретному делу, что противоречило бы требованию исследования проверяемого правового акта либо отдельных его положений в системной связи с иными правовыми положениями, регулирующими рассматриваемые общественные отношения. Также получается, что в круг источников правовой позиции Суда не входят общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ, поскольку в соответствии с законодательством о Конституционном Суде объектом контроля могут быть только не вступившие в силу международные договоры Российской Федерации.

На основании положений Конституции РФ (часть 4 статьи 15, статьи 17, 18 и 55)⁶¹, Федерального конституционного закона «О судебной системе РФ» (статья 3)⁶² и Федерального закона «О международных договорах РФ» (статья 5)⁶³ Конституционный Суд Российской Федерации соотносит формулируемые им позиции с соответствующими положениями международно-правовых норм в процессе рассмотрения всех дел. При этом толкование таких положений осуществляется в непротиворечии со смыслом норм Конституции Российской Федерации, так как она имеет высшую юридическую силу на всей территории России, а ее положения являются правовым основанием наделения международно-правовых норм статусом регуляторов во внутригосударственной юрисдикции страны.

⁵⁹ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.

⁶⁰ Анишина В. Правовые позиции Конституционного Суда России // Российская юстиция. – 2000. – № 7. – С. 12; Волкова Н.С. Приемы формирования правовой позиции Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. – 2005. – № 9. – С. 80; Баранов В.М., Степанков В.Г. Правовая позиция как общетеоретический феномен. – Н.Новгород, 2003. – С. 91.

⁶¹ Российская газета. – 2009, 21 января.

⁶² Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 1. – Ст. 1.

⁶³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 29. – Ст. 2757.

В качестве подтверждения данного положения следует обратиться к точке зрения В.Д. Зорькина, согласно которой в практике Конституционного Суда с самого начала его деятельности утвердился подход, когда общепризнанные принципы и нормы международного права используются в качестве эталона, сообразуясь с которыми в государстве осуществляются права и свободы человека и гражданина, закрепленные в Конституции Российской Федерации.⁶⁴

Международно-правовые нормы используются Конституционным Судом Российской Федерации наряду с конституционными нормами в качестве основных компонентов, определяющих содержательное наполнение правовых позиций в ситуациях, когда положения Конституции РФ как документа, устанавливающего и регулирующего в общем виде наиболее важные (конституционные) отношения, содержат достаточно общие и неоднозначные формулировки правил регулирования отношений, являющихся предметом рассмотрения в Суде. В свою очередь, федеральное законодательство, призванное конкретизировать подобные конституционные установления, содержит недостаточно четкие правила регулирования соответствующих общественных отношений либо правовое регулирование последних осуществляется вразрез с международными нормами, признанными в России частью правовой системы.

В ситуациях, когда национальные нормы не позволяют сделать однозначный вывод по вопросу правового регулирования тех или иных отношений, но не противоречат международным обязательствам России, Конституционный Суд Российской Федерации не только использует положения международно-правовых норм, детально закрепляющие те или иные правила, но и с их помощью конкретизирует рассматриваемые в деле национальные нормы. В дальнейшем реализация таких норм должна осуществляться всеми правоприменителями с учетом конкретизированного правового смысла.

По нашему мнению, было бы целесообразно в резолютивной части решения Конституционного Суда Российской Федерации делать ссылки на соответствующие положения международно-правовых норм, когда они являются компонентом нормативной основы правовой позиции, формулируемой в решении. Нормы международно-правовых актов в этом случае остаются только средством выявления правового смысла оспариваемых в рамках конституционного правосудия положений национального законодательства, либо при отсутствии прямого указания в Конституции РФ на правила регулирования определенных отношений

---

⁶⁴ Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. – 2004. – № 12. – С. 7.

могут выступить в роли дополнительного критерия конституционности на основании соответствующих конституционных положений. Использование ссылок на международно-правовые нормы в резолютивной части решения Суда не означает автоматического признания международных договоров Российской Федерации в качестве основного критерия конституционности объектов судебного контроля наряду с Конституцией Российской Федерации.

Положения Конституции РФ (статья 125) и Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» (статьи 3 и 94) дают основания отнести к кругу источников формирования правовых позиций Суда положения самой Конституции, нормативно-правовые акты (в том числе федеративные и иные договоры о разграничении предметов ведения и полномочий) и отдельные их положения, выступающие в качестве объектов конституционного контроля (Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»). При этом нельзя забывать о привлечении положений иных нормативно-правовых актов, которые находятся в системной связи с оспариваемыми нормами и регулируют рассматриваемые Судом отношения. Такой же вывод следует из статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» и подтверждается судебной практикой.

В качестве еще одного не менее важного источника формирования правовой позиции Суда следует выделить правовую доктрину, т.е. мнения авторитетных ученых по вопросам права. Следует учитывать, что судьи Конституционного Суда являются авторитетными учеными в области права, они же дают толкование вышеуказанным нормам. Они основываются на собственном научном и профессиональном мировоззрении, которое и является первоосновой любой правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации. Решения Суда также свидетельствуют, что источником формирования правовой позиции являются общепринятые принципы российской правовой доктрины.

Изложенное позволяет утверждать, что в качестве неотъемлемого источника содержательного наполнения правовой позиции, формулируемой Судом в процессе разрешения конкретного дела, будут выступать конституционные положения, даже если они непосредственно не регулируют общественные отношения, ставшие предметом рассмотрения.

Помимо них, источником формирования правовых позиций могут быть использованы общепризнанные нормы и принципы права, признанные частью правовой системы России, нормы национального законодательства в «широком» смысле (в том числе и оспариваемые заявителем), а также правовая доктрина. При этом Суд формирует правовую позицию в зависимости от конкретного рассматриваемого дела, может основываться как на всей указанной совокупности источников, так и на их отдельных сочетаниях.

* * *

Наринян Л.М. Актуальные вопросы налоговой дееспособности физических лиц⁶⁵

Налоговое право – это одна из самых динамично развивающихся и в то же время противоречивых отраслей российского права.

Налоговый кодекс Российской Федерации (далее также – Налоговый кодекс, НК РФ) будучи базовым нормативным оплотом одной из основных функций любого государства и производное от декларированной в статье 57 Конституции Российской Федерации обязанности каждого платить установленные законом налоги, тем не менее содержит большое число дискуссионных положений, существенное количество пробелов и правовых коллизий.

Весьма обсуждаемым в современной юридической литературе остается вопрос о методе правового регулирования налогового права. Положения пункта 1 статьи 2 НК РФ, определяющие, что законодательство о налогах и сборах регулирует властные отношения по установлению, введению и взиманию налогов и сборов в Российской Федерации, а также отношения, возникающие в процессе осуществления налогового контроля, обжалования актов налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц и привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения, закрепляют использование в налоговом праве

---

⁶⁵ **Наринян Левон Мартикович** – аспирант кафедры финансового права Российской академии правосудия, помощник судьи Арбитражного суда Московской области.

В настоящей статье рассмотрен вопрос о налоговой дееспособности лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, лиц, признанных судом недееспособными, ограниченно дееспособными. Исследованы вопросы исполнения такими лицами обязанности по уплате налогов, вопросы привлечения таких лиц к ответственности. Автором выделены основные проблемы в данной сфере, предложены направления совершенствования законодательства.

Ключевые слова: налоговые правоотношения, субъекты налоговых правоотношений, налоговая дееспособность, лица, не достигшие шестнадцатилетнего возраста, недееспособные, ограниченно дееспособные, налоговая ответственность.

Narinyan L.M. Pressing issues of tax legal capacity of private person.

In this article is examined the problem of tax capacity of person under sixteen years old, of incapable person and person with limited legal capacity. The questions of execution of tax duty by such kind of person and the problem of their tax liability are also analyzed in the article. Author assigned main problems in this sphere and suggested ways of improving of law.

Key words: tax relationship, subjects of tax legal relationship, tax legal capacity, minors, incapable person, person with limited legal capacity, tax responsibility.

метода властных предписаний, именуемого иначе императивным методом правового регулирования⁶⁶.

Исторически так сложилось, что главным побудительным мотивом для уплаты налогов является зачастую не сознательность налогоплательщиков, а меры принуждения, которые могут быть применены государством при выявлении нарушений законодательства о налогах и сборах, чем как раз и характеризуется императивный метод правового регулирования. Одной из форм такого государственного принуждения является налоговая ответственность⁶⁷.

Налоговый кодекс Российской Федерации подразделяет налогоплательщиков лишь на две большие категории – физические лица и организации, не учитывая, что в каждой из них могут быть группы и подгруппы субъектов, участие которых в налоговых правоотношениях может и должно быть индивидуализировано.

Вместе с тем, отсутствие разработанного понятийного аппарата в данном вопросе создает много проблем в правоприменительной практике.

Для того чтобы определить специфических субъектов, следует разобраться с категориями, которые определяют, во-первых, саму возможность быть субъектом налоговых правоотношений, во-вторых, широту, степень вовлеченности субъектов в налоговые правоотношения и, в-третьих, меры налоговой ответственности, которые могут быть к ним применены.

Безусловно, в данном случае речь идет о наиболее общем родовом понятии «правосубъектность», которое включает в себя правоспособность, как способность иметь права и нести обязанности; дееспособность как способность своими действиями приобретать права, нести обязанности и деликтоспособность, являющуюся составной частью дееспособности, под которой понимается возможность нести юридическую ответственность.

Если ситуация с приобретением правосубъектности юридическим лицом (организацией, в терминологии Налогового кодекса Российской Федерации) достаточно ясна – они приобретают ее с момента государственной регистрации, то применительно к физическим лицам подобная ситуация обстоит достаточно непросто.

Налоговый кодекс, в отличие от Гражданского кодекса Российской Федерации (далее также ГК РФ), не дает четких

---

⁶⁶ Цинделиани И.А., Кирилина В.Е., Костилова Е.Г., Мамилова Е.Г., Шарандина Н.Л. Налоговое право России: Учебник. – М.: Эксмо, 2008. – С. 47.

⁶⁷ См.: Макаров А.В., Архипенко Т.В. Характеристика налоговой ответственности. Санкции за нарушение налогового законодательства // Финансовое право. – 2005. – № 6. – С. 20.

определений понятиям налоговой правоспособности, дееспособности, деликтоспособности.

В теории права принято считать, что правоспособность физического лица состоит в его способности иметь права и нести обязанности, предусмотренные и допускаемые законом (в частности, права налогоплательщиков закреплены в статье 21 НК РФ, а обязанности – в статье 23 НК РФ). Однако, как верно отмечает С.Г. Пепеляев, «... права, которыми пользуется гражданин в сфере налоговых отношений, по существу носят производный от обязанностей характер»⁶⁸. Данная особенность также вытекает из установленной в статье 57 Конституции Российской Федерации обязанности платить законно установленные налоги и сборы, а также из охранительного характера всей отрасли налогового права.

В силу указанной выше специфики налоговой правосубъектности, основную роль в налоговых правоотношениях играет не только возможность своими действиями самостоятельно приобретать права и нести обязанности, но и возможность привлечения физического лица к ответственности, возможность принудительного исполнения его обязанности по уплате налогов и сборов, то есть его деликтоспособность как составная часть дееспособности.

Вместе с тем, пунктом 2 статьи 107 НК РФ установлено лишь, что физическое лицо может быть привлечено к налоговой ответственности с шестнадцатилетнего возраста. Иных положений, каким-либо образом конкретизирующих или расширяющих понятие дееспособности или деликтоспособности, Налоговый кодекс не содержит.

При этом несколько нелогичным представляется соотношение декларированной в Конституции Российской Федерации обязанности уплачивать налоги и отсутствия ответственности за их неуплату у отдельной группы налогоплательщиков.

В этой связи обоснованной представляется позиция В.В. Витрянского и С.А. Герасименко, которые совершенно справедливо замечают, что обязанность уплатить налог возникает у лица лишь после появления у него соответствующего объекта, подлежащего обложению налогом⁶⁹.

Следует согласиться и с мнением Д.В. Винницкого, который отмечает, что налоговую дееспособность (и возраст ее наступления)

---

⁶⁸ Пепеляев С.Г. Гражданин как субъект финансово-правовых отношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1991.

⁶⁹ Витрянский В.В., Герасименко С.А. Налоговые органы, налогоплательщик и гражданский кодекс. Арбитражно-судебная практика. – М.: Изд-во Международного центра финансово-эконом. развития, 1995.

нельзя определять как производную от гражданской и трудовой в связи существованием не только личных, но и реальных налогов⁷⁰.

Иными словами, налог, как фискальный инструмент, теснее связан не с личностью налогоплательщика и его правовым статусом, а с объектом, на который этот налог начисляется (имущество разных видов, доход).

В.А. Яговкина также полагает, что момент возникновения налоговой дееспособности у граждан можно оспаривать, что вызывает необходимость закрепления правовой нормы соответствующего содержания в Налоговом кодексе Российской Федерации⁷¹.

Также неурегулированной остается ситуация с реализацией обязанности по уплате налогов лицами, которые были признаны судом недееспособными либо ограниченно дееспособными.

В соответствии со статьей 29 ГК РФ, гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Над ним устанавливается опека. От имени гражданина, признанного недееспособным, сделки совершает его опекун.

В соответствии со статьей 30 ГК РФ, гражданин, который вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами ставит свою семью в тяжелое материальное положение, может быть ограничен судом в дееспособности в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Над ним устанавливается попечительство. Он вправе самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки. Совершать другие сделки, а также получать заработок, пенсию и иные доходы и распоряжаться ими он может лишь с согласия попечителя. Однако такой гражданин самостоятельно несет имущественную ответственность по совершенным им сделкам и за причиненный им вред.

В отношении данных лиц Налоговый кодекс РФ вовсе не содержит специального правового регулирования их участия в сложном процессе уплаты налогов. Однако вполне очевидно, что указанные лица должны обладать особым (специфическим) статусом в налоговых правоотношениях.

Граждане, признанные судом недееспособными, в принципе не могут быть участниками налоговых правоотношений, поскольку не

---

⁷⁰ Винницкий Д.В. Субъекты налогового права Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. – Екатеринбург, 1999.

⁷¹ Яговкина В.А. Субъекты и иные участники налоговых правоотношений // Научные труды РАЮН. В 3-х томах. – М.: Юрист, 2003, Вып. 3: Т.3. – С. 599–606.

имеют возможности прежде всего своими действиями распоряжаться какими-либо денежными средствами, в то время как в соответствии со статьей 8 НК РФ под налогом понимается обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований.

Вместе с тем, налоговое законодательство специальным образом не регулирует правоотношения с участием таких лиц, а пункт 1 статьи 11 НК РФ (в соответствии с которым институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодательства Российской Федерации, используемые в настоящем Кодексе, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства) не применим, так как гражданское законодательство в принципе не может регулировать налоговые правоотношения. Одновременно следует также учитывать, что лица, признанные судом недееспособными, не лишены возможности обладать на праве собственности налогооблагаемыми объектами.

С первого взгляда немного проще обстоит ситуация с лицами, признанными судом ограниченно дееспособными. Такие лица также не могут совершать сделки, направленные на приобретение налогооблагаемых объектов, но могут ими обладать, могут получать доход, но не могут ими распоряжаться без согласия попечителя. Однако в силу того, что ни одно из лиц – ни попечитель, ни подопечный – по своей сути не обладает полной свободой действий, без императивного властного предписания, закрепленного в законе относительно того, должен ли гражданин, признанный ограниченно дееспособным, исполнять обязанность по уплате налога самостоятельно при согласии попечителя либо эта обязанность должна исполняться непосредственно попечителем, не представляется возможным определить лицо, подлежащее привлечению к ответственности за неуплату налога.

Итак, при наличии у вышеописанных групп физических лиц возможности обладать налогооблагаемыми объектами, нерешенным остается вопрос о возможности привлечения таких субъектов к налоговой ответственности ввиду того, что в статье 107 НК РФ четко определяется лишь одно условие: деликтоспособность физических лиц наступает по достижении ими шестнадцатилетнего возраста.

Отдельно хотелось бы остановиться на вопросах налоговой правосубъектности несовершеннолетних.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 13.03.2008 № 5-П «По делу о проверке

конституционности отдельных положений подпунктов 1 и 2 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Аникина, Н.В. Ивановой, А.В. Козлова, В.П. Козлова и Т.Н. Козловой», несовершеннолетние дети обязаны в силу Гражданского кодекса РФ нести бремя содержания принадлежащего им имущества (статья 210), включая участие в уплате налогов в отношении этого имущества (статья 249).

Согласно пункту 1 статьи 64 Семейного кодекса Российской Федерации родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, это предполагает обязанность совершения от имени несовершеннолетних необходимых юридических действий родителями, в том числе применительно к обязанности по уплате налогов.

Иными словами, Конституционный Суд Российской Федерации в очередной раз восполняет недостатки правового регулирования (пробелы) в российском налоговом законодательстве.

Д.В. Винницкий еще в 1999 году заметил, что решение проблемы «нестыковки» налоговой дееспособности с гражданской и трудовой лежит на поверхности и уже найдено законодателем. Соответствующие налоговые обязанности и права лиц в возрасте до шестнадцати лет могут реализовывать их законные представители⁷².

Представляется, что по аналогии данные выводы применимы к лицам, признанным судом недееспособными либо ограниченно дееспособными, в отношении их опекунов и попечителей, которые обязаны и исполнять обязанность по уплате налога, и нести ответственность за опекаемых и подопечных.

Безусловно, налоговые органы не будут возражать против добровольного исполнения обязанности по уплате налога, кто бы и за счет чьих средств этот налог ни уплачивал.

Но что делать, если налог не уплачен, а собственником того или иного имущества является лицо, не обладающее полной дееспособностью, и требование об уплате налога выставлено на него же?

---

⁷² Винницкий Д.В. Субъекты налогового права Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. – Екатеринбург, 1999.

Законодательно закрепленные правовые возможности привлечения лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, к налоговой ответственности отсутствуют.

Привлечение к налоговой ответственности недееспособных и ограниченно дееспособных лиц было бы незаконным в силу отсутствия реальной возможности исполнить обязанность по уплате налога, а также их вины в совершении налогового правонарушения.

Вопрос о возможности привлечения к налоговой ответственности родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего субъекта, не обладающего полной гражданской дееспособностью, также является дискуссионным, поскольку гражданское законодательство Российской Федерации, к которому нас отсылает норма пункта 2 статьи 27 НК РФ о законных представителях налогоплательщика физического лица, не содержит положений о какой-либо ответственности родителей либо иных законных представителей лиц, не обладающих полной гражданской дееспособностью, в рамках непосредственно налогового законодательства. Вместе с тем, в соответствии с пунктом 7 статьи 3 НК РФ, все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика (плательщика сборов).

Иное понимание данной проблемы можно лишь с большим трудом сформулировать, обратившись к уже упомянутому в настоящей статье постановлению Конституционного Суда Российской Федерации, в котором говорилось о бремени содержания имущества несовершеннолетними и необходимости совершения соответствующих действий по уплате налога их родителями, что, однако, представляется очень сомнительным, учитывая тот факт, что указанное постановление, к слову, преследовало совершенно иную цель, а именно разъяснить право родителя, приобретшего за счет собственных средств квартиру в общую долевую собственность со своими несовершеннолетними детьми, на получение имущественного налогового вычета в соответствии с фактически произведенными расходами в пределах общего размера данного вычета, установленного законом.

Представляется, что рассмотренные проблемы могут создать трудности в правоприменительной практике как судов общей юрисдикции, рассматривающих в настоящее время налоговые дела с участием физических лиц, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя, так и арбитражных судов, к подведомственности которых в недалеком будущем планируется отнести все налоговые споры.

Выход из сложившейся ситуации лежит в правотворческой области и, по нашему мнению, предполагает:

- внесение изменений в Налоговый кодекс путем уточнения правового статуса указанных выше специфических субъектов налоговых правоотношений;

- дополнение Налогового кодекса императивными положениями об ответственности законных представителей (родителей, опекунов, попечителей) за действия (бездействие), связанные с исполнением налоговых обязательств их подопечными;

- закрепление в Налоговом кодексе обязанности законных представителей (родителей, опекунов, попечителей) платить за подопечных установленные налоги, как на то справедливо указал Конституционный Суд Российской Федерации.

* * *

Хашем Т.А. Защита человеческого достоинства в Российской Федерации: конституционно-правовой анализ⁷³

Проводимые в настоящее время в Российской Федерации судебная и административная реформы и совершенствование государственного устройства в целом сопровождаются временным снижением эффективности правовых механизмов защиты конституционных прав и свобод граждан и особенно актуализируют вопрос охраны и защиты человеческого достоинства, о чем зачастую при погруженности в решение текущих задач просто забывается, вследствие чего достоинство личности⁷⁴ не получает должной конституционно-правовой защиты.

В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 12 ноября 2009 г. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев обоснованно обратился к вопросам повышения эффективности государственного управления, политической и судебной систем, в том числе с точки зрения повышения защищенности личности, предложив, в частности, ряд изменений, направленных на повышение законности и обоснованности судебных решений.

Именно достоинство личности выступает важнейшим ценностным основанием и критерием, определяющим требования к выстраиванию отношения государства, государственных органов и их должностных лиц к человеку, к личности.

Однако по-прежнему фиксируются многочисленные нарушения прав и свобод человека в различных сферах отношений между государством и личностью. В частности, сегодня де-факто в судебной практике сложилась не вполне отвечающая требованиям Конституции

---

⁷³ **Хашем Татьяна Анатольевна** – старший преподаватель и соискатель кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Российского университета дружбы народов.

Статья посвящена конституционно-правовым аспектам защиты человеческого достоинства в Российской Федерации.

Ключевые слова: достоинство личности, человеческое достоинство, конституционно-правовой институт защиты человеческого достоинства.

Khashem T.A. Protection of human dignity in the Russian Federation: constitutional-legal analysis.

Article is about the constitutional-legal aspects of protecting human dignity in the Russian Federation.

Key words: dignity, human dignity, constitutional and legal institution for the protection of human dignity.

⁷⁴ Здесь и далее понятия «человеческое достоинство» и «достоинство личности» в рамках выстраиваемой в настоящем исследовании авторской концепции считаем полностью идентичными по содержанию, синонимичными (отличая при этом от понятия «достоинство личности» понятие «индивидуальное личностное достоинство»).

Российской Федерации, объективности, справедливости и законности судебного разбирательства ситуация, когда выносятся ничтожно малое число оправдательных приговоров. При этом поступившее в суд обвинительное заключение практически всегда увенчивается обвинительным приговором, зачастую невзирая на низкое юридическое качество исполнения и обоснованность обвинительного заключения, качество доказательной базы.

Осуществляемые в России в условиях мирового финансового кризиса социально-экономические, политические, административно-управленческие преобразования, способствующие обострению проблем в сфере правоохранительной деятельности, требуют разработки и применения новых эффективных форм и механизмов защиты достоинства личности.

Идеей человеческого достоинства пронизана вся правовая система регулирования общественных отношений в современном демократическом обществе. Эта идея отражается в системе законодательства, порядке деятельности государственных органов, находит наиболее полное выражение в содержании конституционно-правового института защиты человеческого достоинства. Причем каждая структурная часть правовой системы Российской Федерации отражает императив обеспечения достоинства личности как один из основополагающих принципов правовой системы, высочайшую нравственно-правовую ценность⁷⁵ и цель функционирования государства.

По существу человеческое достоинство выступает как ценностная основа системы защиты прав и свобод человека. При этом по отношению к праву на человеческое достоинство право человека на жизнь является необходимым условием, гарантией возможности реализации права на осуществление человеческого достоинства.

Высокий ценностный потенциал понятия «человеческое достоинство» является следствием того, что Конституция наделяет человека, его права и свободы значением высшей ценности. В тех странах, где человек и его права не являются высшей ценностью, человеческое достоинство не обладает высокой ценностью.

Согласно статье 21 Конституции Российской Федерации от 12.12.1993 (с поправками от 2008 г.)⁷⁶, достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению

⁷⁵ Общая теория государства и права: В 2 т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. – Т. 1. Теория государства. – М.: Зерцало, 1998. – С. 312.

⁷⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. – 26.01.2009. – № 4. – Ст. 445.

или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам.

В Российской Федерации конституционно-правовые гарантии защиты человеческого достоинства закреплены в части 1 статьи 21 Конституции Российской Федерации, а также в ряде других, детализирующих эту базовую гарантию, конституционных норм (статья 2, статьи 17, 18 и 19, часть 1 статьи 20, часть 2 статьи 21, статьи 22 и 23, часть 1 статьи 24, статьи 25, 26, 27, 28 и 29, часть 1 статьи 37, статьи 38, 41, 44, 45, 46, 53, 55 Конституции Российской Федерации).

Как указывает Н.М. Кузнецов, именно Конституция Российской Федерации (ст. 21, 23 и др.) выступает концентрированным выражением и материализацией вовне представлений общества о чести, достоинстве и деловой репутации. Именно она является одновременно и главным контролером содержания отношений по защите этих неотчуждаемых от личности благ и неимущественных прав и интересов. Гражданский кодекс РФ, в свою очередь, определяет не пределы реализации нематериальных благ управомоченным лицом, а границы допустимого вторжения других лиц в личную сферу, очерченную в статьях 150–152 ГК РФ.⁷⁷

Посредством перечисленных выше статей Конституции Российской Федерации закрепляются не только важнейшие гарантии человеческого достоинства, но и в определенной степени конкретизируется само содержание этого понятия, что дает весомые основания для его понимания и толкования в рамках парадигмы высшей ценности основных прав и свобод человека во взаимосвязи с корреспондирующими им обязанностями государства, общества и отдельной личности.

Как отмечалось выше, главная прямая гарантия права на человеческое достоинство закреплена в ч. 1 ст. 21 Конституции Российской Федерации, которая устанавливает, что достоинство личности охраняется государством и ничто не может быть основанием для его умаления.

Еще ряд конституционных норм, закрепленных в вышеперечисленных статьях Конституции Российской Федерации, следует рассматривать как детализирующие эту гарантию, как осуществляющие вспомогательное, обеспечительное регулирование.

Так, на основании статьи 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Для исполнения данной обязанности государство создает соответствующие гарантии и устанавливает юридические

---

⁷⁷ Кузнецов Н.М. Содержание отношений по защите чести, достоинства и деловой репутации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / РУДН. – М., 2009.

механизмы их реализации. В соответствии с ч. 2 ст. 17 Конституции РФ основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат ему от рождения. Таким образом, любой человек от рождения получает государственное признание и защиту его человеческого достоинства.

Право на человеческое достоинство является непосредственно действующим. Согласно теории конституционного права, принцип непосредственного действия прав и свобод — основополагающий принцип конституционного статуса личности, согласно которому суды, иные государственные органы, органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны признавать, защищать основные права и свободы независимо от того, конкретизированы ли они в действующем законодательстве или нет. Данный принцип получил закрепление в статье 18 Конституции РФ, установившей права и свободы человека и гражданина непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной властей, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.⁷⁸

Важнейшая конституционная гарантия — равенство всех перед законом и судом независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств (ст. 19 Конституции РФ). На основании ч. 1 ст. 20 Конституции РФ каждый имеет право на жизнь, что является существенной необходимой гарантией охраны права на человеческое достоинство. Согласно ч. 2 ст. 21 Конституции РФ вводится запрет пыток, насилия, другого жестокого или унижающего человеческого достоинства обращения или наказания.

Конституционно-правовой институт защиты человеческого достоинства в Российской Федерации включает⁷⁹:

- 1) конституционный принцип признания государством человека, его прав и свобод высшей ценностью (статья 2 Конституции Российской Федерации);
- 2) норму, наделяющую достоинство личности (человеческое достоинство) значением объекта конституционной охраны (часть 1 статьи 21 Конституции Российской Федерации);

⁷⁸ Иванец Г.И., Калинин И.В., Червонюк В.И. Конституционное право России: энциклопедический словарь / Под общей ред. В.И. Червонюка. — М.: Юрид. лит., 2002. — 432 с.

⁷⁹ Обозначаем наиболее важные элементы.

3) закрепляющие или детализирующие прямые гарантии защиты человеческого достоинства (корреспондирующие отдельным наиболее важным элементам структуры человеческого достоинства):

- конституционно-правовой запрет умаления достоинства личности по каким бы то ни было основаниям (часть 1 статьи 21 Конституции Российской Федерации);

- конституционно-правовой запрет подвергать кого бы то ни было пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию, а также без добровольного согласия – медицинским, научным или иным опытам (часть 2 статьи 21 Конституции Российской Федерации);

- конституционная гарантия свободы и личной неприкосновенности каждого (часть 1 статьи 22 Конституции Российской Федерации);

- конституционная гарантия права каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (часть 1 статьи 23 Конституции Российской Федерации);

- конституционный принцип равноправия (статья 19 Конституции Российской Федерации);

- конституционная гарантия права каждого на жизнь (часть 1 статьи 20 Конституции Российской Федерации);

- конституционная гарантия права каждого на определение и указание своей национальной принадлежности (часть 1 статьи 26 Конституции Российской Федерации);

4) комплекс правовых принципов и правовых норм, устанавливающих дополнительные гарантии защиты человеческого достоинства и обеспечивающих реализацию государством этих охранительной и защитной функций:

- конституционная норма о неотчуждаемости основных прав и свобод человека и их принадлежности от рождения (часть 2 статьи 17 Конституции Российской Федерации);

- конституционная норма о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (часть 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации);

- конституционный принцип справедливости (преамбула Конституции Российской Федерации);

- конституционная норма, предписывающая государству осуществлять политику, обеспечивающую условия для достойной жизни и свободного развития человека (часть 1 статьи 7 Конституции Российской Федерации);

- конституционная норма о том, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто

задержанию на срок более 48 часов (часть 2 статьи 23 Конституции Российской Федерации);

- конституционная гарантия неприкосновенности жилища (статья 25 Конституции Российской Федерации);

- конституционные гарантии свободы мировоззренческого выбора (части 1 и 3 статьи 29, статья 28, статьи 13, 14 Конституции Российской Федерации);

- конституционные гарантии имущественных прав и осуществления не запрещенной законом экономической деятельности (статьи 34, 35, 36 Конституции Российской Федерации);

5) комплекс правовых принципов и правовых норм, опосредованно направленных на защиту человеческого достоинства, а также правовых принципов и норм, опосредованно обеспечивающих реализацию государством этой защитной функции:

- конституционные гарантии права каждого на судебную защиту его прав и свобод (часть 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации);

- конституционные гарантии возможности обжалования в суд решений и действий (или бездействий) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц (часть 2 статьи 46 Конституции Российской Федерации);

- конституционные гарантии права каждого на обращение, в соответствии с международными договорами Российской Федерации, в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (часть 3 статьи 46 Конституции Российской Федерации);

- конституционные гарантии права каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (статья 53 Конституции Российской Федерации);

- конституционные гарантии охраны законом прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью и обеспечения государством доступа потерпевшим к правосудию и компенсации причиненного ущерба (статья 53 Конституции Российской Федерации);

- конституционная норма о том, что в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина (часть 2 статьи 55 Конституции Российской Федерации);

- конституционная норма о том, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ

конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации).

К конституционно-правовым гарантиям и механизмам защиты человеческого достоинства следует отнести также произведенные в процессе конституционного судопроизводства правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам защиты человеческого достоинства, а также правовые позиции и толкования Европейского суда по правам человека относительно положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, связанных с человеческим достоинством, его защитой.

Поскольку Конституцией России личность признана высшей ценностью, то само государство, как обоснованно указывает М.В. Мархгейм, существует для человека, чтобы охранять его права, свободы и обеспечивать условия для его благополучия⁸⁰.

В конституционно-правовой науке под достоинством личности понимается осознание самим человеком и окружающими факта обладания им определенными нравственными и интеллектуальными качествами. Достоинство личности определяется не только самооценкой субъекта, но и совокупностью объективных качеств человека, характеризующих его репутацию в обществе (благоразумие, нравственные данные, уровень знаний, обладание социально полезными навыками, достойный образ жизни и т.п.).⁸¹

В современном государстве человеческое достоинство выступает в качестве презюмируемой⁸² социально значимой, охраняемой и защищаемой государством и обществом ценности только тогда, когда человек имеет реальную возможность действовать в согласии со своим достоинством, осуществляя его в жизни как неприкосновенное и подлежащее уважению и защите неотъемлемое качество его личности.

Считаем обоснованным дать следующее авторское определение понятия конституционно-правового института защиты человеческого достоинства в Российской Федерации.

---

⁸⁰ Мархгейм М.В., Смоленский М.Б., Яценко И.С. Конституционное право Российской Федерации: Учебник. – СПб, 2003. – С. 13.

⁸¹ Комментарий к Конституции Российской Федерации / Отв. ред. Л.А.Окуньков. – Изд. 2-е. – М., 1996. – С. 79.

⁸² Юридическая презумпция – это утверждение о конвенционально-достоверном существовании факта, связанного тетической связью с другим, достоверно установленным фактом или фактами (Федотов А.В. Понятие и классификация доказательственных презумпций // Журнал российского права. – 2001. – № 4). Тетическая связь – это связь явлений, событий, процессов материального мира, которая возникает между ними в силу воли нормодателя (народа, непосредственно принявшего конституцию или законы, либо компетентного нормотворческого органа государства), воплотившейся в определенную норму или нормы права (Там же).

Конституционно-правовой институт защиты человеческого достоинства в Российской Федерации – это система норм конституционного права, которые регулируют однородные и взаимосвязанные общественные отношения, составляющие относительно самостоятельную группу и складывающиеся по поводу реализации человеческого достоинства, включающая правовые основы, гарантии и механизмы признания государством обусловленной естественным правом презумпции ценности и неприкосновенности человеческого достоинства, его защиты государством, а также прямые, обеспечительные и косвенные гарантии реализации защиты человеческого достоинства, восстановления и компенсации нарушенных элементов структуры человеческого достоинства и устранения незаконных препятствий для дальнейшей реализации человеческого достоинства.

По предметно-содержательному признаку гарантии защиты человеческого достоинства могут быть классифицированы следующим образом:

1. Юрисдикционные гарантии (комплекс норм международного, конституционного, уголовного и уголовно-процессуального права, административного, гражданского и гражданско-процессуального права):

- конституционный принцип признания государством человека, его прав и свобод высшей ценностью;

- обусловленная естественным правом и признаваемая государством презумпция ценности и неприкосновенности человеческого достоинства, а также иных, обеспечивающих ее, презумпций (презумпция чести и доброго имени индивидуума; презумпция равного достоинства людей и др.);

- правовые основы, гарантии и механизмы признания государством и подкрепления государственной властью презумпции ценности и неприкосновенности человеческого достоинства;

- правовые механизмы принуждения иных лиц к уважению и соблюдению указанных презумпций;

- прямые, обеспечительные и косвенные гарантии реализации человеческого достоинства, его защиты, в том числе судебной;

- правовые основы, гарантии и механизмы восстановления и компенсации нарушенных элементов структуры человеческого достоинства и устранения незаконных препятствий для дальнейшей реализации человеческого достоинства (например, механизм возмещения убытков, причиненных государственными органами (статья 16 Гражданского кодекса Российской Федерации)).

2. Неюрисдикционные гарантии, предусматривающие правовые возможности защиты человеческого достоинства без обращения к органам государственной власти.

2.1. Защита человеческого достоинства в рамках необходимой обороны в случае преступного посягательства на человеческое достоинство в сопряженных с физическим контактом формах (статья 37 «Необходимая оборона» Уголовного кодекса Российской Федерации).

2.2. Защита человеческого достоинства в рамках действий в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости (статья 39 «Крайняя необходимость» Уголовного кодекса Российской Федерации).

2.3. Защита человеческого достоинства путем самозащиты гражданских прав (статьи 12 и 14 Гражданского кодекса Российской Федерации). Способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения.

* * *

Васильченко О.О. Омбудсман как институт парламентского контроля соблюдения прав и свобод человека и гражданина в сфере исполнительной власти в государствах Центральной и Восточной Европы⁸³

На основе обобщения и анализа многочисленных определений понятия омбудсмана, сформулированных как в российской, так и в зарубежной науке конституционного (государственного) права⁸⁴, можно определить омбудсмана как независимое публичное должностное лицо, осуществляющее контроль за соблюдением прав, свобод и интересов граждан в деятельности органов государственной власти, должностных лиц государства. Омбудсман является своего рода «посредником» между государством и гражданским обществом. Основным способом его воздействия на общественные отношения является проведение расследования и дача рекомендаций с целью коррекции действий органов государственной власти и должностных лиц, нарушивших права и свободы гражданина.

Главной функцией омбудсманов государств Центральной и Восточной Европы, как это следует из анализа их конституционных актов и законодательства, является защита основных прав и свобод человека и гражданина⁸⁵. Существует и другой способ определения

---

⁸³ **Васильченко Олеся Олеговна** – аспирант кафедры международного права и государственного управления юридического факультета Белгородского государственного университета.

В статье рассматриваются актуальные проблемы защиты прав и свобод человека и гражданина омбудсманами государств Центральной и Восточной Европы. Исследованы проблемы взаимодействия омбудсманов с парламентами.

Ключевые слова: омбудсман, парламентский контроль, защита прав и свобод человека и гражданина.

Vasilchenko O.O. The ombudsman as institution of the parliamentary control on human rights in sphere of executive authority in Central and the East Europe.

In article actual problems of protection of the rights and freedom of the person and the citizen by ombudsmen of the states Central and the East Europe are considered. Problems of interaction of ombudsmen with parliaments are analysed.

Keywords: ombudsman, the parliamentary control, protection of the rights and freedom of the person and the citizen.

⁸⁴ *Бойцова В.В.* Служба защиты прав человека и гражданина. Мировой опыт. – М., 1996. – С. 102–122; *Содерман Я.* Где классический парламентский омбудсман? // 20-летие Коллегии австрийских омбудсманов. – Вена, 1997. – С. 15; *Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю.* Юридическая энциклопедия. – М., 1997. – С. 287; *Хиль-Роблес А.* Парламентский контроль за администрацией. – М., 1997. – С. 14; *The World Book Encyclopedia. Field Enterprise as Educational Corporation.* – N.Y., 1972. – Vol. 14. – P. 574.

⁸⁵ См., например: Конституция Республики Албания от 21 октября 1998 г. (статья 60, часть 1); Конституция Румынии от 21 ноября 1991 г. (статья 55); Конституция Республики Словения от 23 декабря 2001 г. (статья 159); Конституция Республики

основной функции омбудсмана. Конституция Украины 1996 г. (статья 101) и Закон Украины «Об Уполномоченном Верховной Рады Украины по правам человека»⁸⁶ определяют институт омбудсмана как одну из форм парламентского контроля, осуществляемого в особой сфере. Как контроль за соблюдением прав граждан можно определить и основную функцию Уполномоченного Государственного собрания по гражданским правам (статья 32/В Конституции Венгерской Республики (в ред. от 31 декабря 1991 г.). Близка по содержанию и одна из функций Канцлера юстиции Эстонской Республики, который осуществляет «надзор за соответствием правовых актов законодательной и исполнительной государственных властей и местных самоуправлений Конституции и законам» (статья 139 Конституции Эстонской Республики от 28 июня 1992 г.).

Наиболее узкой является сфера компетенции контролеров Сейма Литовской Республики, к ведению которых отнесено рассмотрение жалоб граждан относительно злоупотребления или проявления бюрократизма со стороны должностных лиц органов государственной власти; из их компетенции исключен контроль за соблюдением прав человека коллегиальными органами государственной власти и коллегиальными органами местного самоуправления⁸⁷. В условиях неразвитости института омбудсмана в постсоциалистических государствах подобное ограничение его компетенции предполагает неэффективное функционирование данного института. Как правило, в компетенцию омбудсманов постсоциалистических государств входит рассмотрение дел о нарушениях прав человека органами публичной власти и их должностными лицами. Законодательство употребляет именно термин «публичная власть», не ограничивая полномочия омбудсмана только лишь осуществлением контроля соблюдения основных прав и свобод человека и гражданина органами государственной власти. В некоторых случаях для определения компетенции омбудсмана законодательство использует термин «публичная администрация» (статья 2 Закона Республики Албания от 4 февраля 1999 г. № 8454 (в ред. от 12 мая 2005 г.) «О Народном адвокате»).

В отдельных случаях компетенция омбудсмана определена более детально. В законодательствах Республики Молдова, Российской Федерации, Словацкой Республики, Словенской Республики, Украины и Эстонской Республики содержится развернутый перечень субъектов, чью деятельность уполномочен

Хорватия от 22 декабря 1990 г. (статья 93); Закон Республики Армения от 19 ноября 2003 г. НО-23 «О Защитнике прав человека» (статья 2); Закон Чешской Республики «О Государственном правозащитнике» (§ 1).

⁸⁶ Национальные омбудсмены. Свод правовых положений. – Варшава, 1999. – С. 361.

⁸⁷ Закон Литовской Республики «О контролерах Сейма» (статья 5, часть 1).

контролировать омбудсман. Детальное описание компетенции омбудсмана обусловлено стремлением максимально облегчить осуществление им защиты прав и свобод граждан уже на стадии принятия соответствующего закона. Органы государственной власти и государственные учреждения, непосредственно поименованные в законе, не имеют никакой возможности отказать омбудсману в проверке их деятельности. С другой стороны, у омбудсмана могут возникнуть трудности в реализации контрольной функции в отношении вновь учрежденного государственного института.

Законодательства Республики Албания, Боснии и Герцеговины, Литовской Республики и Чешской Республики особо указывают на то обстоятельство, что компетенция омбудсмана распространяется на органы военного управления и армию. Закон Эстонской Республики «О Канцлере юстиции», особо не закрепляя подконтрольность органов военной администрации Канцлеру, в § 23 устанавливает особый порядок обращения лица, призванного на военную службу, в данный государственный орган по защите прав человека. Введение в законодательство об омбудсманах подобных положений обусловлено традиционным отсутствием в социалистических государствах гражданского контроля над армией и органами военного управления. У омбудсманов возникают сложности при ознакомлении с информацией, необходимой для расследования по фактам нарушения прав и свобод в сфере военного управления, обусловленные правовой неопределенностью границ государственной или военной тайны и необходимостью защиты основных прав и свобод. Более эффективно правовое регулирование компетенции омбудсмана в отношении органов военного управления в Законе Венгерской Республики LIX 1993 «Об Уполномоченном Государственного Собрания по гражданским правам» (статья 16, пункт 8), устанавливающее особый порядок ознакомления омбудсмана с документами, содержащими информацию, представляющую государственную тайну.

В Боснии и Герцеговине, Чешской Республике и Республике Хорватия в компетенцию омбудсманов не включается контроль деятельности органов местного самоуправления. Объясняется это тем, что местное самоуправление рассматривается не столько как институт публичной власти, сколько как элемент гражданского общества. Вместе с тем, общей тенденцией развития института омбудсмана является постепенное включение местного самоуправления в его компетенцию. Как правило, в момент создания институтов эти властные структуры были вне поля его деятельности, однако затем, в процессе принятия поправок к законодательству, омбудсманы начали заниматься и этими вопросами.

Полномочия омбудсмана в постсоциалистических государствах Восточной Европы могут распространяться не только на государственный аппарат, но и на государственные учреждения и государственные организации, деятельность которых направлена на обеспечение реализации прав и свобод граждан. Так, в Боснии и Герцеговине, Венгрии, Македонии, Молдове, Польше, Словакии, Словении, Чехии и Эстонии в компетенцию омбудсмана включается проверка соблюдения прав человека не только государственными органами, но и государственными учреждениями, агентствами, имеющими соответствующие полномочия, а также частными агентствами, выполняющими публичные полномочия. В Албании и Литве к ведению омбудсмана отнесена защита прав и свобод граждан от нарушения их отдельными негосударственными институтами, наделенными полномочиями публичной власти (нотариусы и судебные приставы). Как показывает практика, отсутствие в законе прямого указания на подконтрольность омбудсману государственных учреждений не может рассматриваться как основание для отказа в рассмотрении жалобы гражданина или в проведении проверки по факту нарушения конституционных прав и свобод. Достаточно упомянуть о том, что первый специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации был посвящен соблюдению прав граждан, страдающих психическими расстройствами, в том числе и администрацией специальных лечебных учреждений⁸⁸. Вместе с тем, отсутствие государственных учреждений и организаций в списке субъектов, чью деятельность вправе контролировать омбудсман, создает известные трудности при реализации его правозащитной функции.

По мнению ряда зарубежных ученых, основным способом воздействия омбудсмана на исполнительные органы публичной власти является обращение с требованием объяснения обстоятельств и фактов, изложенных в жалобе гражданина⁸⁹. В этом случае омбудсман обсуждает факты и обстоятельства, изложенные в жалобе гражданина, с институтом публичной власти, решения, действия или бездействие которого обжалуются. Последствием такого «обсуждения» является либо вывод омбудсмана о том, что гражданин ошибочно усмотрел нарушение своих прав в актах органов публичной власти, либо добровольное «признание права гражданина» органом публичной власти и восстановление нарушенных прав. Однако омбудсмены постсоциалистических

---

⁸⁸ См.: Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «О соблюдении прав граждан, страдающих психическими расстройствами. 16.06.1999». – М., 1999.

⁸⁹ См.: The Role and Effectiveness of the Ombudsman Institution. – Washington, 2005. – P. 21.

государств Европы (в том числе и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации) не считают данный способ защиты прав и свобод человека и гражданина основным или даже заслуживающим внимания при подведении итогов работы. Как показывает анализ ежегодных докладов омбудсманов в данных государствах, омбудсмены не учитывают отдельно жалобы граждан, разрешенные положительно после обращения омбудсмана в соответствующий орган публичной власти за разъяснением его действия (бездействия).

Основным способом воздействия омбудсмана государств Центральной и Восточной Европы на исполнительную власть является его мотивированная рекомендация – особая форма юридического решения, отличающаяся минимальными властными характеристиками и отсутствием императивности, в которой должна излагаться собственная позиция омбудсмана по рассматриваемому вопросу и по обстоятельствам дела. Рекомендации могут носить конкретный характер (по вопросу восстановления прав заявителя), а могут содержать предложения по совершенствованию административной практики и процедур. Данное полномочие успешно реализуется омбудсманами-лидерами, к которым относятся омбудсмены Польши, Эстонии, Словении, Литвы, Венгрии. Для повышения эффективности рекомендации как меры воздействия на органы исполнительной власти омбудсман должен строго придерживаться принципов конституционности и законности, а также неантагонистических отношений с государством.

Институт омбудсмана характеризуется самым тесным взаимодействием с парламентами. Так, практически во всех парламентах государств, упоминаемых в настоящей статье, существуют специальные Комиссии или Комитеты по взаимодействию с омбудсманами или по делам омбудсманов. При этом исследование опыта взаимодействия омбудсманов с парламентами в государствах Центральной и Восточной Европы позволяет предположить, что одним из направлений повышения эффективности функционирования данного института может стать усиление связи между омбудсманами и парламентами. Представляется, что ежегодные и специальные доклады омбудсманов содержат информацию не только непосредственно о результатах их деятельности, но и о соблюдении прав человека органами публичной власти. Таким образом, они могут и должны рассматриваться парламентом как основа для законопроектной работы по совершенствованию законодательства в сфере прав и свобод человека и гражданина.

* * *

Сванидзе Р.К. Конституционное судопроизводство как форма правозащитной деятельности конституционных судов государств Центральной и Восточной Европы⁹⁰

Единственно возможной формой защиты прав и свобод человека и гражданина конституционными судами государств Центральной и Восточной Европы является конституционное судопроизводство как урегулированная нормами конституционного права деятельность Конституционного Суда и участвующих в деле лиц и других участников процесса по поводу разрешения дел, являющихся предметом разбирательства органа конституционной юстиции. Следует подчеркнуть, что конституционное судопроизводство имеет свою значительную специфику по сравнению с судопроизводством по уголовным, гражданским, административным делам: не все их основные принципы восприняты конституционным судопроизводством, а воспринятые реализуются подчас в своеобразных формах. Например, такие процессуальные принципы, как состязательность или устность, часто либо ограничены, либо вообще отсутствуют при рассмотрении отдельных категорий дел.

Конституционное судопроизводство складывается из общей процедуры и специальных процедур рассмотрения отдельных категорий дел. Общая процедура включает порядок подачи обращений в конституционный суд уполномоченными субъектами, предварительное рассмотрение обращений для решения вопроса об их принятии или отклонении, проведение судебного разбирательства, совещание судей и голосование по постановлению решения, его провозглашение, возобновление производства в необходимых случаях. Специальные процедуры предусматривают круг лиц, уполномоченных возбуждать по соответствующей категории дел

⁹⁰ **Сванидзе Руслан Каренович** – ассистент кафедры публично-правовых дисциплин Института коммерции, менеджмента и инновационных технологий.

В статье рассматриваются основные виды конституционного судопроизводства как формы правозащитной деятельности конституционных судов в государствах Центральной и Восточной Европы.

Ключевые слова: Конституционный Суд, конституционное судопроизводство, защита прав и свобод человека и гражданина.

Svanidze R.K. The constitutional legal proceedings as the form of human rights activity of the Constitutional Courts in the Central and East Europe.

In article are considered the basic kinds of the constitutional legal proceedings as forms of protection of the rights and freedom of the person and the citizen by the constitutional courts in the states Central and the East Europe.

Key words: the Constitutional Court, the constitutional legal proceedings, protection of the rights and freedom of the person and the citizen.

производство в конституционном суде, особенности этого производства, правовые последствия различных возможных решений суда, положения об исполнении.

Наиболее распространенным в государствах Центральной и Восточной Европы видом конституционного судопроизводства является абстрактный контроль конституционности законов, осуществляемый по запросам уполномоченных государственных органов и иных субъектов права. При этом Конституционным Судом обычно не принимаются во внимание фактические обстоятельства дела, он проводит абстрактное сравнение положений спорного закона с конституционными нормами.

В законодательстве государств Центральной и Восточной Европы закреплён широкий спектр моделей доступа к абстрактному судебному конституционному контролю. При этом следует положительно оценить предоставление Генеральному прокурору как высшему должностному лицу, осуществляющему надзор за законностью, полномочия обращаться Конституционный Суд с запросом о проверке конституционности закона (в Болгарии, Латвии, Молдове, Польше, Словакии, Словении). Полномочие обратиться в Конституционный Суд с запросом о проверке конституционности закона принадлежит также омбудсману (или аналогичному специализированному правозащитному органу) в Албании, Латвии, Молдове, Польше, Словении, Украине. Таким образом, существуют модели, устанавливающие крайне ограниченный доступ к абстрактному судебному конституционному контролю, – например, закреплённые в законодательстве Эстонской Республики (где даже группа парламентариев не может оспорить конституционность закона) или Литовской Республики (где только правительство и группа парламентариев могут инициировать абстрактный контроль конституционности законов). С другой стороны, есть модели, которые предоставляют фактически неограниченный доступ к этой процедуре конституционного контроля, устанавливая институт народной жалобы, предполагающий право каждого конкретного гражданина инициировать абстрактный конституционный контроль независимо от наличия юридического интереса в рассматриваемом деле. Наиболее доступным является институт абстрактного конституционного контроля в Венгерской Республике (часть 2 § 32/A Конституции Венгерской Республики 1949 г.). Эта возможность эффективно использовалась, чтобы оспорить конституционность множества важных законов: например, законов, устанавливающих смертную казнь, официальное использование личных идентификационных номеров, а также административные штрафы за критику должностных

лиц⁹¹. Статистические данные показывают, что народная жалоба является наиболее часто используемой формой начального периода существования судебного конституционного контроля в Венгерской Республике⁹². По этой причине профессор Л. Шольом заметил, что «народная жалоба стала своего рода заменой институтам прямой демократии»⁹³.

Другой формой конституционного судопроизводства, в рамках которого может осуществляться правозащитная деятельность, является рассмотрение запросов судов о проверке конституционности законов, примененных или подлежащих применению судами (в Боснии и Герцеговине, Польше, Российской Федерации, Румынии), а также рассмотрение жалоб граждан на нарушение их конституционных прав законами и другими нормативными правовыми актами (в Албании, Венгрии, Латвии, Польше, Российской Федерации, Словакии, Словении, Хорватии, Чехии).

При этом, процедура рассмотрения Конституционным Судом таких обращений судов общей юрисдикции, а также жалоб граждан и доводы, исследуемые Конституционным Судом в данном случае, не имеют значительных отличий от используемых Конституционным Судом при осуществлении «чистого» абстрактного конституционного контроля, рассматривая обращения уполномоченных государственных органов. Различие имеется лишь в процедуре принятия Конституционным Судом обращения к рассмотрению. Законодательство о конституционных судах устанавливает своего рода «фильтр» для принятия таких обращений, который направлен на выявление материальной заинтересованности граждан и процессуальной заинтересованности судов. Так, в статье 79 Конституции Республики Польской установлено, что конституционная жалоба может быть направлена против определенного закона (или другого нормативного акта), который послужил основанием для принятия правоприменительного акта, в котором непосредственно

⁹¹ См.: Решение Конституционного Суда Венгерской Республики № 23/1990 от 31 октября 1990 г. / Decision 23/1990 of 31 October 1990; Решение Конституционного Суда Венгерской Республики № 15/1991 от 13 апреля 1991 г. / Decision 15/1991 of 13 April 1991; Решение Конституционного Суда Венгерской Республики № 36/1994 от 24 июня 1994 г. / Decision 36/1994 of 24 June 1994 // Интернет-сайт Конституционного Суда Венгерской Республики: <<http://www.mkab.hu>>.

⁹² См.: *Brunner G. Structure and Proceedings of the Hungarian Constitutional Judiciary // Solyom L., Brunner G. Constitutional Judiciary in a New Democracy: The Hungarian Constitutional Court. – Ann Arbor, 2000. – P. 99.*

⁹³ Выступление профессора Л. Шольома на симпозиуме «Конституционная юстиция в государствах Центральной и Восточной Европы» / Oral remarks by professor Laszlo Solyom, former Chief Justice of the Hungarian Constitutional Court // Workshop on Constitutional Adjudication in Southern and Western Europe. – Rome: Fondazione Adriano Olivetti, 2002. – P. 12.

нарушены права заявителя. В Конституционный Трибунал нельзя обратиться с жалобой на закон, «который только косвенно затрагивает правовое положение заявителя, но не был основанием вынесения решения в конкретном деле в отношении правового положения заявителя»⁹⁴. В законодательствах Словацкой Республики, Российской Федерации и Чешской Республики также содержатся указания на то, что конституционная жалоба может быть направлена в отношении закона, который «применен».

Наличие четкой зависимости между существованием активно действующего конституционного суда и предоставлением гражданам возможности напрямую обратиться с жалобой в судебный орган конституционного контроля, конечно, не удивительно. Однако следует сказать, что в тех конституционных системах, которые не предлагают гражданам это юридическое средство защиты их прав, юристы и судьи конституционных судов далеко не единодушно поддерживают осуществление такой реформы конституционного судебного процессуального законодательства. Например, видный румынский конституционалист Л. Михаи полагает, что следствием законодательного закрепления института конституционной жалобы будет вынужденное вмешательство Конституционного Суда в осуществление правосудия судом общей юрисдикции, если заявитель докажет существование конкретного дела, рассматриваемого судом общей юрисдикции⁹⁵. Профессор Т. Тодоров утверждает, что рассмотрение индивидуальных конституционных жалоб Конституционным Судом нецелесообразно по практическим причинам, к которым относит, в первую очередь, увеличение загруженности Конституционного Суда⁹⁶.

Формой осуществления правозащитной деятельности Конституционным Судом в отсутствие института конституционной жалобы в Украине является заявление гражданина об официальном толковании Конституции или закона (ст. 43 Закона Украины от 16 октября 1996 г. (в ред. от 4 августа 2006 г.) «О Конституционном Суде Украины»⁹⁷). На практике данное полномочие используется гражданами для защиты их конституционных прав, нарушенных в результате того, что правоприменительный орган истолковал

⁹⁴ Гарлицкий Л. Правовое государство и конституционное правосудие в Польше // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – 2002. – № 1. – С. 21.

⁹⁵ См.: *Mihai L. Constitutional Law of Romania // Legal reform in post-communist Europe: the view from within / Ed. by S. Frankowski, P.B. Stephan III. – Dordrecht, 1995. – P. 51–70.*

⁹⁶ Цит. по: *Гансе В. Интервью с судьями Конституционного суда Тодором Тодоровым и Танко Хадистойчевым // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 1997. – № 2 (19). – С. 36.*

⁹⁷ Официальный интернет-сайт Конституционного Суда Украины. <<http://www.ccu.gov.ua>>.

применяемый закон в противоречии с нормами Конституции Украины. Конституционный Суд рассматривает такие заявления, только если гражданин представит доказательства того, что обжалуемое толкование закона не является общепринятым или официальным⁹⁸.

Для защиты конституционных прав и свобод граждан большее значение имеет процедура устранения Конституционным Судом неконституционного пробела в праве (статья 1, часть 1, пункт «е» Закона Венгерской Республики XXXII:1989 «О Конституционном Суде»; статья 125а Конституции Республики Хорватия от 1990 г.). При разрешении такого дела Конституционный Суд не только дает толкование соответствующей нормы Конституции, но и устанавливает крайний срок, по истечении которого Парламент обязан восполнить имеющийся пробел. Например, в решении Конституционного Суда Венгерской Республики от 1992 г. Суд установил, что Парламент не выполнил свою конституционную обязанность по принятию закона, регулирующего порядок осуществления телевизионного и радиовещания. В результате, хотя и со значительной задержкой, Парламент издал Закон 1996 г. о средствах массовой информации, который в полной мере соответствовал правовой позиции, выраженной в решении Конституционного Суда⁹⁹. Однако данная деятельность Конституционного Суда, по мнению ряда ученых, таит в себе определенную опасность. Так, например, болгарский конституционалист Т. Тодоров заявил, что «это может спровоцировать судей на участие в политической жизни государства»¹⁰⁰. В.Г. Ярославцев, судья Конституционного Суда РФ, полагает, что «это сделает судей Конституционного Суда судьями в собственном деле»¹⁰¹.

⁹⁸ См.: *Евграфов П.Б., Евграфова Е.П.* Преодоление законотворческих ошибок Конституционным судом Украины // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах. Материалы Международного научно-практического круглого стола (29–30 мая 2008 года). – М., 2009. – С. 171–183.

⁹⁹ См.: Решение Конституционного Суда Венгерской Республики № 32/1992 АВ от 8 июня 1992 г. / Decision № 37/1992 (V.10) АВ of 8 June 1992 // Интернет-сайт Конституционного Суда Венгерской Республики. <<http://www.mkab.hu>>.

¹⁰⁰ Цит. по: *Safjan M.* Politics and Constitutional Courts A Judge's Personal Perspective // EUI Working Paper. Law. – 2008. – Vol. 10. – P. 8.

¹⁰¹ Цит. по: *Sadurski W.* Rights Before Courts: A Study of Constitutional Courts in Postcommunist States of Central and Eastern Europe. – Dordrecht, 2007. – P. 10.

Таким образом, наиболее эффективными формами правозащитной деятельности конституционных судов в государствах Центральной и Восточной Европы являются процедуры рассмотрения запросов уполномоченных органов (в т.ч. прокуроров и омбудсманов), а также рассмотрение запросов судов о проверке конституционности законов, примененных или подлежащих применению в деле, и жалоб граждан на нарушение их прав и свобод законами или иными нормативными правовыми актами высших органов государственной власти.

* * *

Чалых И.С. Нормотворческая функция Президента Российской Федерации как элемент гарантирования субъективных экологических прав¹⁰²

Реальное гарантирование закрепленных в статье 42 Конституции Российской Федерации¹⁰³ субъективных экологических прав является, на наш взгляд, первичным элементом экологической функции Российского государства. При этом наличие действенных, системно и взаимосвязанно функционирующих гарантий позволяет говорить об эффективности обеспечения, реализации, охраны и защиты указанной категории прав. В современном российском государстве гарантирование субъективных экологических прав осуществляется посредством государственных институтов и институтов гражданского общества. При этом особое место в системе таких гарантий занимает Президент Российской Федерации.

Так, согласно статье 80 Конституции Российской Федерации Президент является гарантом конституционных прав и свобод. Он же определяет внутреннюю и внешнюю политику российского государства; обладает правом законодательной инициативы; обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти; осуществляет надзор и контроль за деятельностью органов исполнительной власти (статья 78); может приостановить действие актов органов исполнительной власти

¹⁰² **Чалых Ирина Сергеевна** – аспирант кафедры международного права и государственного управления юридического факультета Белгородского государственного университета.

В статье рассмотрены основные аспекты реализации нормотворческой функции Президента Российской Федерации в сфере гарантирования субъективных экологических прав. Определено наиболее перспективное из направлений нормотворческой деятельности в исследуемой сфере с предложением по его совершенствованию и оптимизации.

Ключевые слова: Президент Российской Федерации, нормотворчество, указ, гарантирование, субъективные экологические права.

Chalykh I.S. Rule-making function of the President of the Russian Federation as an element of the subjective ecological rights' warranting.

In the article the basic aspects of the rule-making function's realisation of the President of the Russian Federation in the sphere of the subjective ecological rights' warranting are considered. It is defined the most perspective direction of the rule-making activity in investigated sphere with the offer to improve and optimize it.

Keywords: the President of the Russian Federation, rule-making, the decree, warranting, the subjective ecological rights

¹⁰³ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.

субъектов Российской Федерации (статья 85 Конституции Российской Федерации); вправе отменить постановление или распоряжение Правительства Российской Федерации (статья 115 Конституции Российской Федерации); осуществляет нормотворческую функцию и т.д. Следовательно, деятельность главы государства в рамках гарантирования субъективных экологических прав по своим масштабам и средствам реализации можно признать универсальной и наиболее эффективной, так как при ее осуществлении используются особо значимые (нередко специфические) институты и формы¹⁰⁴.

Как представляется, одним из основных направлений деятельности главы государства в аспекте гарантирования указанных прав выступает именно нормотворческая функция. Применительно к исследуемой проблеме нормотворчество Президента Российской Федерации можно рассматривать в трех аспектах: общеполитическом, системно-организационном и программном.

В рамках первого аспекта, в связи с ориентированием политики Российского государства на концепцию устойчивого развития, именно в указах Президента впервые были закреплены экологические гарантии не только нынешнего, но и будущих поколений. В числе данных актов следует назвать Указы Президента Российской Федерации «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития»¹⁰⁵, а также «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию»¹⁰⁶.

В рамках второго аспекта представляется возможным обозначить акты нормотворчества главы государства по вопросам оптимизации системы и структуры органов исполнительной власти в Российской Федерации. В качестве примера здесь можно назвать Указы Президента Российской Федерации «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»¹⁰⁷, «Вопросы системы и

¹⁰⁴ См.: Югов А.А. Механизм реализации конституционных (основных) прав, свобод и обязанностей – ключевой компонент подлинного народовластия // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 7.

¹⁰⁵ Указ Президента Российской Федерации от 4 февраля 1994 г. № 236 «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» // Российская газета. – 1994, 9 февраля.

¹⁰⁶ Указ Президента Российской Федерации от 1 апреля 1996 г. № 440 «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» // Российская газета. – 1996, 9 апреля.

¹⁰⁷ Указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» (с посл. изм. от 22 июня 2009 г.) // Российская газета. – 2004, 12 марта; <www.garant.ru>.

структуры федеральных органов исполнительной власти»¹⁰⁸. Применительно к рассматриваемому аспекту следует отметить и некоторые акты главы государства, направленные на совершенствование и оптимизацию механизма гарантирования субъективных экологических прав в различных его проявлениях. К примеру, таким актом можно признать Указ Президента Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в отдельные указы Президента Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об экологической экспертизе»¹⁰⁹.

В рамках третьего аспекта нормотворческой функции Президента Российской Федерации относительно гарантирования субъективных экологических прав следует выделить ряд комплексных программных документов, принятие которых инициировано главой государства. Как представляется, именно это направление нормотворческой деятельности главы Российского государства в сфере экологии можно признать наиболее перспективным. Так, утвержденная указом Президента Российской Федерации Концепция национальной безопасности Российской Федерации¹¹⁰ содержала указание на экологические элементы внутренней и внешней политики Российского государства, основные приоритетные направления деятельности государства в экологической сфере, включая соблюдение и реализацию субъективных экологических прав (как часть конституционных прав человека и гражданина) и пр. В 2009 году отмеченная Концепция утратила силу, а главой государства утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года¹¹¹. Данный документ уже в разделе 1 «Общие положения» содержит указание на тот факт, что в современном Российском государстве реализуется политика в области устойчивого развития, к которой, согласно мнению ряда ученых-экологов, относится и экологический аспект¹¹². При этом к основным направлениям

¹⁰⁸ Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2008 г. № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» (с посл. изм. от 4 марта 2010 г.) // Российская газета. – 2008, 13 мая; <www.garant.ru>.

¹⁰⁹ Указ Президента Российской Федерации от 1 марта 1996 г. № 302 «О внесении изменений и дополнений в отдельные указы Президента Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об экологической экспертизе» (с изм. и доп. от 24 апреля 1998 г.) // Российская газета. – 1996, 6 марта; <www.garant.ru>.

¹¹⁰ Концепция национальной безопасности Российской Федерации (Утв. Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300) (Документ утратил силу) // Российская газета. – 1997, 26 декабря; <www.garant.ru>.

¹¹¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (Утв. Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537) // Российская газета. – 2009, 19 мая.

¹¹² См., напр.: Урсул А.Д. Стратегия устойчивого развития и права человека // «Россия и Совет Европы: 5 лет вместе»: материалы международной конференции / Под редакцией К.Х. Каландарова. – М., 2002.

обеспечения национальной безопасности Российской Федерации относятся стратегические национальные приоритеты, в числе которых и создание безопасных условий реализации конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, то есть и их гарантирование, включая субъективные экологические права. Отметим, что рассматриваемая Стратегия существенно дополнена понятийным аппаратом, относимым и к сфере экологии (ст.ст. 6, 7 разд. 1). Однако в разд. 2 исследуемого документа наблюдается отход от общеэкологических позиций и сведение проблемных тенденций развития мирового сообщества и современного Российского государства в сфере экологии к проблемам окружающей природной среды (более узкая категория), их влиянию на здоровье человека и нерациональному использованию отдельных природных ресурсов (ст.ст. 10, 12 разд. 2). Новеллой можно признать указание авторов на создание и совершенствование механизмов решения проблем национальной безопасности. Однако из таких объектов почему-то исключены субъективные экологические права, несмотря на присущую им степень значимости в рамках обеспечения национальной безопасности. Справедливости ради отметим, что отдельные вопросы обеспечения экологической безопасности, которые можно рассматривать как элементы гарантирования субъективных экологических прав, выделены авторами Стратегии в отдельную главу 8 «Экология живых систем и рациональное природопользование». Однако такое закрепление представляется фрагментарным и недостаточным, что требует формулирования иных, более конструктивных позиций.

Как показывает практика, в документы такого уровня, как Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, вполне допустимо внесение изменений и дополнений – в нашем случае – Президентом Российской Федерации. Однако выход из обозначенных нами проблемных ситуаций видится в несколько ином. Так, по инициативе Президента, помимо Концепций и Стратегий, могут приниматься и такие документы, как Доктрины. В частности, ряд Доктрин в сфере обеспечения того или иного вида национальной безопасности Российского государства иницируются и утверждаются именно Президентом Российской Федерации¹¹³. Как представляется, именно в рамках такого документа возможно оптимальное сочетание позиций и взглядов как специалистов-практиков, так и ученых в определенной сфере, в том числе применительно к различным отраслям права. В данной связи для разрешения проблем гарантирования субъективных экологических прав требуется учет

---

¹¹³ См., напр.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президентом Российской Федерации от 9 сентября 2000 г. № Пр-1895) // Российская газета. – 2000, 28 сентября.

мнений разнопрофильных специалистов (в области конституционного, экологического, административного, уголовного и иных отраслей права), а также выработка единой (или общей) концепции обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации как аспекта гарантирования указанной категории прав. При этом, как представляется, наиболее удачной формой отражения такой концепции выступает именно Доктрина экологической безопасности Российской Федерации, утверждаемая главой государства. Дополним, что предлагаемый документ не ставится нами «во главу угла» в процессе обеспечения национальной безопасности Российского государства, а видится логическим продолжением, уточняющим основные позиции в сфере гарантирования субъективных экологических прав, отраженные в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.

* * *

Тысячная С.В. Прокуратура в системе институциональных гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина ¹¹⁴

В современном российском государстве прокуратура позиционируется как неотъемлемый элемент конституционной правозащитной системы. В юридической литературе неоднократно обращалось внимание на такую постановку вопроса¹¹⁵. Вместе с тем, деятельность прокуроров по защите прав и свобод человека и гражданина официально закреплена в Федеральном законе РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»¹¹⁶ в качестве самостоятельной отрасли прокурорского надзора.

¹¹⁴ **Тысячная Светлана Викторовна** – соискатель кафедры международного права и государственного управления юридического факультета Белгородского государственного университета.

В статье приведена авторская позиция по поводу обоснования правозащитного потенциала прокуратуры Российской Федерации. Выявлены и охарактеризованы ее отдельные полномочия, связанные с защитой прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: прокуратура, права и свободы человека и гражданина, защита, надзор, обращение.

Tsyachnaya S.V. The Public Prosecutor's office in the system of institutional guarantees of the protection of the person's and citizen's rights and freedom

In the article the author's position concerning a substantiation of remedial potential of public prosecutor's office of the Russian Federation is presented. Its separate powers connected with the protection of the rights and freedom of the person and the citizen are revealed and characterized.

Keywords: public prosecutor's office, the rights and freedom of the person and the citizen, protection, supervision, reference.

¹¹⁵ См.: *Бессарабов В.Г., Кашаев К.А.* Защита российской прокуратурой прав и свобод человека и гражданина. – М.: Городец, 2007; *Мархгейм М.В.* Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в России. М., 2004; *Мачинский В.* Правозащитная функция прокуратуры // *Законность.* – 2007. – № 11; *Чурилов А.В.* Защита прав и свобод человека и гражданина средствами прокурорского надзора. М., 1999; *Крутиков М.Ю.* Прокурорское реагирование как специфическая форма реализации правозащитной функции государства // *Государственная власть и местное самоуправление.* – 2009. – № 7; *Бойченко С.И.* Теоретические основы правозащитной деятельности прокуратуры Российской Федерации // *История государства и права.* – 2009. – № 7 и др.

¹¹⁶ Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. от 17 ноября 1995 г., 10 февраля, 19 ноября 1999 г., 2 января, 27 декабря 2000 г., 29, 30 декабря 2001 г., 28 июня, 25 июля, 5 октября 2002 г., 30 июня 2003 г., 22 августа 2004 г., 15 июля, 4 ноября 2005 г., 2 марта, 5 июня, 24 июля 2007 г., 25 декабря 2008 г., 17 июля 2009 г.) // *Российская газета.* – 1992, 18 февраля; <www.garant.ru>.

Основная цель прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина – это достижение такого положения, когда эти права и свободы реально соблюдаются всеми органами и должностными лицами, когда граждане уверены, что их права и интересы надежно защищены и что они в случае нарушения этих прав и свобод могут рассчитывать на помощь соответствующих государственных органов, в том числе и органов прокуратуры.

Задачи прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина определяются в приказах и указаниях Генерального прокурора РФ и прокуроров субъектов Федерации¹¹⁷.

Правозащитный потенциал прокуратуры в силу закрепленных полномочий и возложенных обязанностей связан с реализацией субъектного конституционного права граждан на обращение в государственные органы (статья 33 Конституции РФ и статья 10 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»).

Обращение, поступившее в органы прокуратуры или должностному лицу, в соответствии с их компетенцией, подлежит обязательному рассмотрению и разрешению.

Следует отметить, что права и свободы граждан могут защищаться посредством обращений в различные государственные органы. В качестве примера можно указать парламентский запрос, т.е. оформленный надлежащим образом документ о нарушениях законов с требованием об их устранении и направленный Генеральному прокурору РФ.

Защита и восстановление нарушенных прав граждан происходят в основном путем принятия по результатам рассмотрения обращений таких мер прокурорского реагирования, как внесение представления об устранении нарушений закона и (или) принесение протеста на противоречащее закону постановление по делу об административном правонарушении.

Действенным средством проявления правозащитного потенциала прокуратуры является ее участие в правотворческой деятельности (пункт 4 статьи 1 и статья 9 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»).

В качестве целей участия прокуроров в правотворческой деятельности называют¹¹⁸: защиту прав и свобод человека и гражданина; обеспечение верховенства закона; формирование единого правового пространства на территории страны; обеспечение согласованности юридических предписаний органов публичной власти; обеспечение регламентации решения вопросов местного

---

¹¹⁷ См.: Бессарабов В.Г., Кашаев К.А. Защита российской прокуратурой прав и свобод человека и гражданина. – М.: Городец, 2007

¹¹⁸ Петрова Л., Манакова С. Роль прокуратуры в правотворческой деятельности // Законность. – 2008. – № 3.

значения; улучшение систематизации муниципальных правовых актов; снижение влияния бюрократических интересов, противоречащих потребностям населения; исключение из нормативных правовых актов и их проектов коррупциогенных факторов.

Участие прокуроров в правотворческой деятельности присуще всем этапам развития российской прокуратуры. Объем и содержание полномочий прокуроров по осуществлению этой работы изменялись в зависимости от места и роли прокуратуры в государственном механизме России.

Правозащитной направленностью обладает и международное сотрудничество прокуратуры Российской Федерации.

В настоящий момент преступность перешагнула границы отдельных государств, в связи с чем возникла необходимость разработки адекватных мер межгосударственного характера по противодействию распространению таких деструктивных преступных проявлений, как наркобизнес, терроризм, похищение людей и др. По этому поводу Генеральная прокуратура Российской Федерации в пределах своей компетенции осуществляет прямые связи с соответствующими органами других государств и международными организациями, сотрудничает с ними, заключает соглашения по вопросам правовой помощи и борьбы с преступностью, участвует в разработке международных договоров Российской Федерации.

Деятельность прокуратуры по защите прав и свобод человека и гражданина тесно связана с правозащитной деятельностью других государственных органов, в том числе и правоохранительных, за исполнением законов которыми прокуратура осуществляет надзор. Вместе с тем органы прокуратуры при выполнении поставленных перед ними задач взаимодействуют и с правозащитными общественными организациями.

В системе взаимодействия прокуратуры с указанными структурами особо выделяют блок согласованных действий и решений со службой омбудсмена Российской Федерации¹¹⁹. Хотя полномочия российского омбудсмена, как указывает М. Шалумов, и носят государственно-властный характер, они не позволяют ему отменять или приостанавливать действия и решения органов, организаций и должностных лиц, нарушающих права и свободы граждан, самому привлекать виновных в нарушениях лиц к юридической ответственности¹²⁰. Понятно, что наличие

¹¹⁹ Муравьев И., Зуев В. Взаимодействие прокуратуры с общественными приемными // Законность. – 2009. – № 3.

¹²⁰ Шалумов М.С. Проблемы функционирования российской прокуратуры в условиях формирования демократического правового государства: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2001. – С. 33.

Уполномоченного по правам человека не только не исключает выполнения задач, функций и полномочий прокуратуры, особенно по защите прав и интересов граждан, но и, напротив, предъявляет к органам прокуратуры новые требования в соответствии с действующим законодательством.

Это обуславливает необходимость согласованных действий названных правозащитников с прокуратурой Российской Федерации и другими компетентными государственными органами. В соответствии с действующим законодательством, в том числе Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», органы прокуратуры и Уполномоченный по правам человека взаимодействуют и дополняют друг друга, в том числе на инициативной основе путем заключения соглашений о сотрудничестве.

Таким образом, приведенные полномочия прокуратуры Российской Федерации дают основания утверждать, что данная структура занимает особое место в системе институциональных гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина и обладает существенным правозащитным ресурсом, опосредованным законодательными требованиями и инициативными шагами.

* * *

Дулуев З.А. Принцип равенства перед законом и судом в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации ¹²¹

Содержание конституционной нормы Российского государства о равенстве всех перед законом и судом (часть 1 статьи 19)¹²² свидетельствует о той роли, которая придается не только закону, но и судебной власти как эффективному средству защиты и восстановления прав и свобод в случае их нарушения. Данный принцип соответствует статье 7 Всеобщей декларации прав человека «все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона». О равенстве всех перед судом фактически говорится в статье 8 Декларации: «каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом»¹²³. Данный принцип отдельно закреплён в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. Так, в статье 26 установлено, что все люди равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации

¹²¹ Дулуев Зелимхан Айсаевич – аспирант кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

В статье представлены результаты анализа правовых позиций Конституционного Суда РФ на предмет выявления в них положений о нарушении принципа равенства перед законом и судом. Автором систематизированы и охарактеризованы конкретные судебные решения по данному поводу.

Ключевые слова: равенство, принцип равенства перед законом и судом, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации.

Duluev Z.A. The principle of the equal protection of the law and before the court in legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federations.

In the article the analysis' results of legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation are presented to reveal some infringements of a principle of equality of the equal protection of the law and before the court. The author systematizes and characterizes concrete judicial decisions in this sphere.

Keywords: equality, principle of equality of the equal protection of the law and before the court, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

¹²² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.

¹²³ Всеобщая декларация прав человека (Принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. – М.: БЕК, 1996.

на равную защиту закона, а в его пункте 1 статьи 14 установлено, что все лица равны перед судами и трибуналами¹²⁴.

Решения Конституционного Суда РФ, в которых находит свое подтверждение позиция о том, что требование равенства является важнейшим критерием конституционности норм действующего законодательства, имеют особое значение для уяснения природы данного конституционного принципа. Практически в каждом рассматриваемом Конституционным Судом РФ деле приходится в той или иной мере сталкиваться с проблемами равенства.

Анализ решений Конституционного Суда РФ по поводу заявленного предмета исследования позволил выявить две группы случаев, когда были обнаружены нарушения принципа равенства перед законом и судом (часть 1 статьи 19 Конституции РФ).

Итак, к первой группе отнесены случаи, когда рассматриваемая «норма слишком неопределенна и оставляет простор произвольному усмотрению правоприменителя, что может привести к неодинаковому применению закона в отношении разных лиц при одинаковых обстоятельствах дела»¹²⁵.

В качестве примера можно указать Постановление от 15 января 1998 г. № 2-П. Оно было вынесено по делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 8 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина¹²⁶. Здесь Конституционный Суд исходил из того, что конституционные права и свободы гарантируются гражданам независимо от места жительства, включая наличие или отсутствие у них жилого помещения для постоянного или временного проживания. Порядок выдачи заграничного паспорта лишь по месту жительства Конституционный Суд счел дискриминирующим признаком, явно противоречащим частями 1 и 2 статьи 19 Конституции РФ, гарантирующей равенство прав и свобод человека и гражданина, в том числе независимо от места его жительства или временного пребывания.

В резолютивной части решения признаны не соответствующими частям 1 и 2 статьи 19, части 2 статьи 27 и части 3 статьи 55 Конституции РФ положения части 1 статьи 8 Федерального

---

¹²⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12. – С. 5–11.

¹²⁵ Эрделевский А. Принцип равенства на весах правосудия // Бизнес-адвокат. – 2000. – № 22.

¹²⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 1998 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и третьей статьи 8 Федерального закона от 15 августа 1996 г. «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина А.Я. Аванова» // Российская газета. – 1998, 29 января.

закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в части, по существу препятствующей выдаче гражданину РФ заграничного паспорта в ином порядке при отсутствии у него регистрации по месту жительства или по месту пребывания, а также положение части 3 той же статьи в части, по существу препятствующей выдаче гражданину РФ, имеющему место жительства за пределами ее территории, загранпаспорта в РФ.

Также в данной группе можно указать Постановление от 16 мая 1996 г. № 12-П по делу о проверке конституционности пункта «г» статьи 18 Закона РФ о гражданстве, в котором Конституционный Суд указывает, что государство гарантирует всем равенство в правах и свободах, в том числе независимо от места жительства (части 1 и 2 статьи 19 Конституции РФ)¹²⁷. Отсюда делается вывод, что установление для лиц, состоявших в российском гражданстве по рождению, каких-либо различий в праве на гражданство в зависимости от места жительства не соответствует Конституции РФ, а все состоявшие в гражданстве РФ по рождению, независимо от времени их возвращения в Российскую Федерацию, должны пользоваться равными правами, включая равное право на гражданство.

Ко второй группе отнесены случаи, когда в самом законе установлен или из него следует неодинаковый подход к отдельным категориям лиц, находящийся в зависимости от каких-либо обстоятельств.

В качестве примера укажем Постановление от 16 октября 1995 г. № 11-П¹²⁸. В связи с обращениями ряда граждан было рассмотрено дело о проверке конституционности статьи 124 Закона РСФСР о государственных пенсиях в РСФСР. Конституционный Суд установил, что в результате установленного статьей 124 Закона запрета выплачивать осужденному пенсионеру трудовую пенсию и при отсутствии в законодательстве правила о выплате его иждивенцам причитающейся им части пенсии иждивенцы пенсионера полностью теряют этот пенсионный источник средств к существованию. Тем самым устанавливается и разный объем прав для иждивенцев осужденных пенсионеров и иждивенцев всех иных категорий пенсионеров, что нарушает гарантированный государством

---

¹²⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 1996 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта «г» статьи 18 Закона Российской Федерации «О гражданстве Российской Федерации» в связи с жалобой А.Б. Смирнова» // Российская газета. – 1996, 28 мая.

¹²⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 октября 1995 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 124 Закона РСФСР от 20 ноября 1990 г. «О государственных пенсиях в РСФСР» в связи с жалобами граждан Г.Г. Ардерихина, Н.Г. Попкова, Г.А. Бобырева, Н.В. Коцюбки» // Российская газета. – 1995, 21 октября.

конституционный принцип равенства прав и свобод человека и гражданина.

Укажем также Постановлением от 23 мая 1995 г. № 6-П по делу о проверке конституционности статей 2.1 и 16 Закона РСФСР от 18 октября 1991 г. о реабилитации жертв политических репрессий» положение части 1 статьи 2 (1) этого Закона о том, что дети, находившиеся вместе с родителями в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении, признаются лишь пострадавшими от политических репрессий, а не репрессированными¹²⁹, признано противоречащим части 1 статьи 19 и статье 52 Конституции РФ, поскольку не обеспечивает равенство всех перед законом и судом, не охраняет в равной мере с правами лиц, признаваемых жертвами политических репрессий, права потерпевших от злоупотреблений властью, не обеспечивает им доступ к правосудию и компенсацию за причиненный ущерб.

Таким образом, правовые позиции Конституционного Суда РФ, касающиеся реализации принципа равенства перед законом и судом, свидетельствуют не только о степени значимости данного принципа в демократическом государстве, но и позволяют устранить причины, вызывающие дискриминационные проявления в отношении различных категорий и групп лиц.

* * *

---

¹²⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 мая 1995 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности статей 2.1 и 16 Закона РСФСР от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» (в ред. от 3 сентября 1993 года) в связи с жалобой гражданки З.В. Алешниковой» // Российская газета. – 1995, 31 мая.

Беспалова М.А. Президент России в публичной институциональной системе реализации правозащитной функции государства ¹³⁰

Президент Российской Федерации, будучи главой государства, занимает особое место в государственной системе защиты прав человека. Являясь персонифицированным представителем государства, провозгласившего человека, его права и свободы высшей ценностью и общенациональным приоритетом, Президент России гарантирует бесперебойную работу всего государственного механизма на благо человека и несет за это ответственность.

Конституцией Российской Федерации специально закреплено, что Президент является гарантом прав и свобод человека и гражданина (часть 2 статьи 80). Следовательно, есть основания утверждать, что он обязан гарантировать права и свободы каждому и защищать их всеми доступными средствами.

Содержание правозащитного потенциала российского Президента отчетливо проявляется в его присяге при вступлении в должность: «...Клянусь уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, соблюдать и защищать Конституцию Российской Федерации». Таким образом, Президент РФ обязуется постоянно следить за положением дел в сфере прав и свобод, а также своевременно реагировать на соответствующие нарушения. В этих целях он наделен широким набором полномочий для реализации правозащитной функции.

Так, глава российского государства выступает с законодательной инициативой по наиболее важным вопросам защиты прав и свобод личности (пункт «г» статьи 84; часть 1 статьи 104

¹³⁰ **Беспалова Мария Александровна** – аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белгородского государственного университета.

В статье представлено авторское обоснование участия Президента Российской Федерации в реализации правозащитной функции государства. Выявлены и охарактеризованы конкретные полномочия Президента России правозащитной направленности.

Ключевые слова: правозащитная функция государства, Президент Российской Федерации, законодательная инициатива, вето, помилование, гражданство.

Bespalova M.A. The President of Russia in public institutional system of the remedial function's realization of the state.

In the article the author's position of participation's substantiation of the President of the Russian Federation is presented in realization of remedial function of the state. The concrete powers of the Russian President of a remedial orientation are revealed and characterized.

Keywords: remedial function of the state, the President of the Russian Federation, the legislative initiative, the veto, the pardon, citizenship.

Конституции РФ). Осуществляя правотворческую деятельность, он издает указы, направленные как на защиту прав и свобод всего населения, так и отдельных социальных групп, включая пенсионеров, военнослужащих, студентов и другие категории особо нуждающихся в защите со стороны государства¹³¹.

Особое значение имеют послания Президента Российской Федерации. Они не являются обязательными актами, но служат ориентиром в законодательной деятельности Федерального Собрания по защите прав и свобод личности.

Следует обратить внимание на сдерживающие полномочия Президента РФ в сфере правозащитного нормотворчества: он вправе отменять противоречащие Конституции и федеральному законодательству акты Правительства Российской Федерации (часть 3 статьи 115) и приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, в частности, нарушающих права и свободы (часть 2 статьи 85 Конституции РФ).

Также в качестве полномочия-ограничения Президента РФ в законодательной деятельности следует выделить право вето. Оно позволяет Президенту своевременно реагировать на нарушения прав и свобод, которые еще не возникли, но могут возникнуть в случае вступления в силу закона, нарушающего права и свободы личности¹³².

Правозащитным полномочием Президента РФ является предоставленное ему статьей 88 Конституции Российской Федерации право вводить на территории России или в отдельных ее местностях чрезвычайное положение. Данный режим устанавливается, когда необходимо защитить права и свободы личности, интересы общества и государства¹³³. При этом если в условиях чрезвычайного положения Президент РФ ограничивает или отменяет права, составляющие

¹³¹ См., например: Указ Президента РФ от 18 октября 2007 г. № 1373с «О некоторых мерах по обеспечению социальной защиты отдельных категорий пенсионеров» // Российская газета. – 2007, 20 октября; Указ Президента РФ от 26 июля 1993 г. № 1108 «О дополнительных мерах по защите права граждан России на участие в приватизации» (ред. от 21.10.2002 г.) // Российская газета. – 1993, 31 июля; Указ Президента РФ от 5 ноября 1992 г. № 1335 «О дополнительных мерах по социальной защите беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, уволенных в связи с ликвидацией организаций» (ред. от 05.10.2002 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 45. – Ст. 2609 и др.

¹³² См.: Окуньков Л.А. Вето Президента // Журнал российского права. – 1998. – № 2. – С. 11-28.

¹³³ См.: Радченко В.И. Чрезвычайное и военное положение в России. Конституционно-правовые проблемы // Вестник Саратовской государственной академии права. – 1998. – № 3. – С. 111.

сердцевину корпуса прав и свобод человека, он совершает антиконституционные действия¹³⁴.

К полномочиям Президента РФ, которые проявляют себя в качестве правозащитных, полагаем, относится решение им вопросов гражданства Российской Федерации и предоставления политического убежища.

В качестве правозащитного следует расценивать президентское право помилования, которое представляет собой акт верховной власти, полностью или частично освобождающий осужденного от наказания, либо заменяющий назначенное ему судом наказание более мягким.

Для реализации правозащитных задач Президент Российской Федерации имеет в своем распоряжении организованный аппарат. Здесь необходимо заострить внимание на следующих структурах правозащитной направленности: Совет при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, Управление Президента по работе с обращениями граждан и Контрольное управление.

Важное место в системе органов при Президенте РФ, осуществляющих защиту прав и свобод, занимает Управление по работе с обращениями граждан. Оно обеспечивает рассмотрение устных и письменных обращений граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, адресованных Президенту Российской Федерации и его Администрации; осуществляет информационно-справочную работу, связанную с такими обращениями; анализирует обращения граждан, адресованные главе государства, готовит соответствующие доклады; осуществляет информационно-аналитическое и методическое обеспечение деятельности Администрации Президента Российской Федерации по рассмотрению обращений граждан¹³⁵. Для развития диалога главы государства с гражданами наряду с традиционными формами общения вводятся и апробируются новые. Так, использование современных коммуникативных средств позволило в 2009 году увеличить на 31,8 % количество обращений граждан по сравнению с 2008 годом. Количество обращений по сети Интернет увеличилось по сравнению с 2008 годом в 2,3 раза и достигло в 2009 году 49,1 % от общего количества письменных обращений¹³⁶.

---

¹³⁴ Снежко О.А. Президент Российской Федерации – гарант прав и свобод граждан // Право и политика. – 2005. – № 2.

¹³⁵ Указ Президента РФ от 24 августа 2004 г. № 1102 «Об утверждении Положения об Управлении Президента Российской Федерации по работе с обращениями граждан» // СЗ РФ. – 2004. – № 35. – Ст. 3609.

¹³⁶ <www.kremlin.ru>.

Приведенные цифры поступивших обращений свидетельствуют, помимо прочего, о том, что современные средства коммуникации позволяют главе государства реализовывать свои правозащитные задачи более емко и поддерживать свой конституционный статус гаранта прав и свобод человека.

Рассмотренные средства, с помощью которых Президент РФ может защитить права и свободы личности, позволяют сделать вывод, что в его распоряжении наличествуют необходимые правозащитные механизмы. Повышение их эффективности опосредовано статусом главы государства как гаранта прав и свобод человека и гражданина. При этом в вопросах их защиты недопустима наблюдательная или выжидательная позиция Президента России. При отсутствии устоявшихся аксиологических традиций отношения государственных органов к правам и свободам человека и гражданина именно позиция Президента Российской Федерации выступает сейчас ведущим ориентиром в деле реализации им своей правозащитной функции.

* * *

Корченев В.В. «Если уж придется пить – пейте доброе вино»¹³⁷

Рецензия на монографию В.А. Берзина «Государственная политика в области винодельческого виноградарства, производства, оборота и потребления винодельческой продукции»¹³⁸

«Если уж придется пить – пейте доброе вино», – писал Гёте. Провал за провалом очередных попыток отечественного государства побороть социальный порок пьянства и алкоголизма определялся не в последнюю очередь неспособностью властей обеспечить уменьшение объема сегмента потребления тяжелых (крепких) алкогольных напитков посредством его замещения потреблением хороших вин, прежде всего экономичной ценовой категории. Вместо этого, понимая неспособность обеспечить огромное население огромного СССР, власти допускали производство винодельческих суррогатов, выдаваемых за вина. Допускалось добавление сахара и этилового спирта (не винного, не виноградного спирта), всевозможных химических веществ, недопустимых для использования с точки зрения классического виноделия (во всяком случае, с точки зрения мировых стандартов в этой области).

Основные «хитрости» и приоритеты этой советской политики плавно перетекли в современный период отечественного виноделия,

¹³⁷ **Корченев Владимир Васильевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, руководитель Парламентского центра Государственной Думы РФ по антиалкогольной политике, главный редактор журнала «Трезвость и культура».

Статья представляет собой рецензию на монографию В.А. Берзина «Государственная политика в области винодельческого виноградарства, производства, оборота и потребления винодельческой продукции».

Ключевые слова: винодельческое виноградарство; производство, оборот и потребление винодельческой продукции; государственная политика; алкоголизм; вино, виноделие.

Korchenov V.V. «If you really have to drink – drink good wine».

The article is a review of the monograph of V.A. Berzin «Government policy on the wine viticulture, production, trade and consumption of wine products».

Keywords: winery viticulture, production, trade and consumption of wine products, government policy, alcoholism, wine, winemaking.

¹³⁸ **Берзин В.А.** Государственная политика в области винодельческого виноградарства, производства, оборота и потребления винодельческой продукции: Монография. – М., 2010. – 603 с.

усугубившись по многим аспектам. Отсутствие надлежащего порядка в области правового регулирования винодельческого виноградарства, производства, оборота и потребления винодельческой продукции ведет к тому, что продукцию, стоящую на торговых прилавках и обозначенную как «вино», совершенно невозможно употреблять – как с точки зрения органолептических характеристик (ведь если рассматривать вино как приятное дополнение к нашему питанию, то ясно, что оценка его качества зависит, прежде всего, от того, в какой степени оно удовлетворяет наш вкус¹³⁹), так и с точки зрения заботы о безопасности собственного здоровья. Как следствие – потребители предпочитают водку, находящуюся в той же ценовой категории (или дешевле), но характеризующуюся большей безопасностью.

Наличие политической воли у высокопоставленных руководителей¹⁴⁰ не находит никаких практических выражений и проявлений. И все законопроекты последнего десятилетия, вносившиеся в Государственную Думу или остановившиеся на этапе экспертного обсуждения, были направлены на еще большее закрепление массового обмана потребителей винодельческой продукции, на дозволение выпуска под наименованием вина откровенных суррогатов и фальсификатов, которые, к примеру, в Европе не могут быть признаны как вино и проданы как вино ни при каких обстоятельствах.

Увидевшая этой весной свет весьма объемная монография В.А. Берзина «Государственная политика в области винодельческого виноградарства, производства, оборота и потребления винодельческой продукции», без всяких сомнений, станет достойным элементом золотого фонда научных исследований (не только в российском, но и в мировом масштабе!) как в области конституционного права и административного права, так и в области организации винодельческого виноградарства, производства и оборота винодельческой продукции.

Немалый интерес представляет она и для наркологии, поскольку, в отличие от любых иных исследований в данной области (коих, самих по себе, весьма немного, даже если собрать по всему миру), монография В.А. Берзина обращается к такому весьма редкому для российской науки вопросу, как государственная политика в области потребления чего-либо (в данном случае – винодельческой продукции). Обычно считается, что, мол, потребление – это дело

¹³⁹ Дегустация. Типы и характеристика вин // <http://vinograd.info/info/teoriya-i-praktika-vinodeliya/typy-i-harakteristika-vin_2.html>. (Последнее посещение 01.05.2010).

¹⁴⁰ См., например: <<http://bisplan.ru/society/zubkov-predlagaet-prinjat-zakon-o-vinodelii.html>>. – 13.11.2007. (Последнее посещение 01.03.2010); Губернатор привез французскую технологию // Наш Новороссийск (<www.nvrsk.ru/?item=35437>). – 08.09.2005. (Последнее посещение 01.03.2010).

потребителей, разберутся сами. Что вряд ли можно признать обоснованным.

Глубочайшая проработка любых затрагиваемых В.А. Берзиным вопросов, новаторские подходы в исследовании, авторские позиции и даже полноценные концепции по многим важнейшим аспектам темы, огромный самостоятельно разработанный или уточненный В.А. Берзиным понятийный аппарат (с. 139–152, 220–224, 244, 553–565 и мн. др.), многочисленные классификации (с.136–137, 201–205, 227–228, 231–234 и мн.др.), гигантское количество привлекаемых автором (и тем самым вводимых в научный оборот, причем по большей части впервые для российской правовой науки) зарубежных нормативных правовых актов и документов, научных исследований по теме монографии, комплексность и системность исследования, явно прослеживаемая объективность исследования (В.А. Берзин, по счастью, не работая непосредственно в исследуемой сфере, может себе позволить не «заморочиваться» на навязываемые «условности» и интересы тех или иных производителей винодельческой продукции, а точнее – суррогатов и фальсификатов, лоббирующих сегодня блокирование приведения российского законодательства в обсуждаемой области в соответствие с европейскими и общемировыми стандартами) – все это превращает рецензируемую монографию в бесценное пособие с характеристикой определенной энциклопедичности.

Сказать, что монография В.А. Берзина характеризуется новизной, это все равно, что ничего не сказать. Блестящее научное исследование, не имеющее соперников, а потому достойное самой высочайшей оценки.

Выше всяких похвал – приведенная в приложении к монографии Концепция проекта Федерального закона «О винодельческом виноградарстве, производстве и обороте винодельческой продукции» (с. 540–598) и нашедшая полноценное, развернутое, убедительное обоснование в § 3.4 «О Концепции проекта Федерального закона “О винодельческом виноградарстве, производстве и обороте винодельческой продукции”» (с.387–420) и в § 3.2 «Обоснование необходимости принятия федерального закона “О винодельческом виноградарстве, производстве и обороте винодельческой продукции”» (с. 288–329).

Особенный интерес представляют § 2.5 «Общая характеристика и оценка состояния и недостатков правового регулирования в Российской Федерации общественных отношений в области винодельческого виноградарства, производства и оборота винодельческой продукции» (с. 252–263) и § 1.3 «Основополагающие правовые понятия в области винодельческого виноградарства, производства и оборота винодельческой продукции: проблемы

выбора оптимальных правовых дефиниций» (с. 98–152). Впрочем, большой интерес представляет вся монография В.А. Берзина полностью.

Про недостатки можно сказать следующее. Известно, что по мере продвижения в научных исследованиях какого-то явления и охвата все большего объема его аспектов и иных особенностей по экспоненте нарастает объем корреспондирующих вопросов, не нашедших до того должного научного исследования, осмысления и освещения.

Поэтому основным «недостатком» книги В.А. Берзина является то, что в ней выявлены и блестяще описаны сотни, если не тысячи, проблем и важных теоретических моментов, но при этом данным исследованием выявлены тысячи новых теоретических и практических проблем, оставшихся без рассмотрения. То есть плохо, что монография В.А. Берзина на 603 страницы (пусть и достаточно мелким шрифтом), а не на 5000.

В остальном книга представляет собой очень существенную научно-теоретическую и научно-практическую ценность.

* * *

Сведения об авторах номера

Беспалова Мария Александровна – аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белгородского государственного университета. Конт. адрес эл. почты: Lostinoul@yandex.ru.

Васильченко Олеся Олеговна – аспирант кафедры международного права и государствоведения юридического факультета Белгородского государственного университета. Конт. адрес эл. почты: marinav62@mail.ru.

Догадайло Екатерина Юрьевна – кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой государственного строительства и права Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент. Конт. адрес эл. почты: dogadailo@ur.rags.ru.

Дулуев Зелимхан Айсаевич – аспирант кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. Конт. адрес эл. почты: markhiem@bsu.edu.ru.

Емелина Людмила Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации. Конт. адрес эл. почты: urconsul@rambler.ru.

Корченков Владимир Васильевич – доктор социологических наук, профессор кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, руководитель Парламентского центра Государственной Думы РФ по антиалкогольной политике, главный редактор журнала «Трезвость и культура». Конт. адрес эл. почты: f5s1@yandex.ru.

Мельков Андрей Сергеевич – кандидат филологических наук, преподаватель Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, член Молодежной Общественной Палаты РФ, член Союза писателей России, член Общественного Консультативного Совета «Образование как механизм формирования духовно-нравственной культуры общества» при Департаменте образования города Москвы. Конт. адрес эл. почты: melkov@mamif.org.

Наринян Левон Мартикович – аспирант кафедры финансового права Российской академии правосудия, помощник судьи Арбитражного суда Московской области. Конт. адрес эл. почты: lemex@rambler.ru.

Сванидзе Руслан Каренович – ассистент кафедры публично-правовых дисциплин Института коммерции, менеджмента и инновационных технологий. Конт. адрес эл. почты: rehyf@mail.ru.

Сидорова Людмила Анатольевна – адвокат, соискатель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета им. М.М. Сперанского Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации. Конт. адрес эл. почты: advokatsidorova@gmail.com.

Ситников Алексей Владимирович – кандидат философских наук, член экспертного совета при Комитете по делам общественных организаций и религиозных объединений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Конт. адрес эл. почты: alex.si.2010@yandex.ru.

Ткачук Виорика Филипповна – аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета им. М.М. Сперанского Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации. Конт. адрес эл. почты: rika-ur@mail.ru.

Тысячная Светлана Викторовна – соискатель кафедры международного права и государственного управления юридического факультета Белгородского государственного университета. Конт. адрес эл. почты: Svetlana-post@rambler.ru.

Хахинова Анастасия Николаевна – аспирант кафедры государственного строительства и права Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. Конт. адрес эл. почты: ruzavina83@mail.ru.

Хашем Татьяна Анатольевна – старший преподаватель и соискатель кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Российского университета дружбы народов. Конт. адрес эл. почты: f111l@mail.ru.

Чалых Ирина Сергеевна – аспирант кафедры международного права и государственного управления юридического факультета Белгородского государственного университета. Конт. адрес эл. почты: IRADA1304@yandex.ru.

*Нравственные
императивы в праве*

**2010
№ 3**

Научный юридический журнал

Подписано в печать **03.05.2010.**

Формат 60x90/16

Гарнитура «Arial». Бумага офсетная № 1.

В оформлении журнала использован шрифт Mistral.

Усл. печ. л.   .

Тираж 250 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «Ваш полиграфический партнер»

г. Москва, Ильменский проезд, д. 1